

**Тема: Рукописное наследие Европы в российских собраниях:
палеография, дипломатика, эпиграфика**

А. П. Бехтер

Папирус и камень: палеографическое взаимовлияние

В сообщении анализируется палеографическое взаимодействие между папирусным и лапидарным письмом на примере двух боспорских эпитафий, одна из которых относится к эллинистическому времени, видимо, к первой половине III в. до н. э. (КБН 253, Пантиканей?), а другая – к римскому периоду (Артезиан, КЛ-2102). Шрифт обеих надписей представляет собой смешение ангулярных форм, характерных для монументального лапидарного письма, и элементов скорописи, причем некоторые буквы происходят непосредственно из папирусного письма. Проникновение рукописных элементов в такую консервативную область как лапидарная эпиграфика может объясняться только интенсификацией использования папируса на Боспоре в конце IV – первой половине III в. до н. э. и в раннеримский период. Не фиксирующиеся в большинстве случаев археологические носители информации: папирусы, церы (восковые таблички), записи углем или мелом на табличках, обтянутых кожей, и т. д., должны были занимать значительное место в античном рукописном наследии, но мы можем зафиксировать только следы их присутствия.

Н. Б. Срединская
Investitura iure feudi – феррарский акт 1353 г.

Постоянная плановая тема моих работ – исследование и введение в научный оборот подлинных и в большинстве своем ранее не опубликованных материалов Западноевропейской секции НИА СПбИИ РАН. В 2025 г. в основу одной из таких работ было положено исследование происходящего из Феррары феодального контракта середины XIV в.

Понятие «феодализм» для современных исследователей истории Западной Европы является столь же актуальным, сколь дискуссионным. Средневековая Феррара неоднократно предоставляла материал для рассмотрения наиболее дискуссионных моментов, связанных с поземельными отношениями, и со значением вассально-феодальных связей в городе и его округе. Например, Тревор Дин, автор книги «Земля и власть в позднесредневековой Ферраре» (Dean T. Land and Power in late medieval Ferrara. The Rule of the Este, 1350-1450. Cambridge, 2002) считает, что в Италии XIV-XV вв. феодальное господство было реальностью. Это мнение идет вразрез с тенденцией медиевистов Северной Европы минимизировать его значение или писать так, как если бы феоды и вассалы никогда не существовали. Анализ формуляра одного из «феодальных контрактов» может быть очередным шагом в продвижении к решению этого вопроса.

Актом от 30 марта 1353 г. «высокородный и славный господин» Альдобрандино, маркиз д'Эсте, действуя также от имени своих братьев Николо, Фолько, Уго и Альберто возобновил права и инвестировал Пьетро Канино, и его племянника Джованни Валенте де Делакорис из Бондено земельным держанием на правах феода. Формуляр акта 1353 г. рассматривается в сравнении с аналогичным формуляром, который был предложен в «Сумме нотариального искусства» (*Summa artis notariae*) Роландина Пассагерия. Как известно, нотариальные акты Северной Италии составлялись по образцам, разработанным в Болонском университете. Такие примеры предоставляла «Сумме нотариального искусства», созданная во второй половине XIII в. С течением времени формуляр актов, составленных по этим примерам, либо расширялся, в связи с требованиями и особенностями развития права в регионе их появления, либо сужался и сокращался, но

основа и суть оставались неизменными. Сравнение исследуемого акта 1353 г. с образцом в «Сумме» Роландина Пассагерия, который отстоит от него на 50-70 лет, дает основания для следующих утверждений: такая форма землевладения, как феод, не уходит из практики Феррары в XIV в., хотя и перестает быть единственной формой предоставления в пожалование от правителей д'Эсте. Формуляр феодального контракта упрощается, эволюционирует; но феод сохраняется рядом с другими формами земельного держания. Можно также предположить, что рассмотрение формуляра актов инвеституры феодом на более солидной источниковой базе может открыть новую сторону проблемы.

А. В. Чиркова

Послания дожей Венеции XIV – первой половины XVI в.

на экспозиции и в собрании МУП АН СССР:

происхождение, история и перспективы изучения

Согласно описанию музейной экспозиции 1927 г., венецианские документы занимали третье место после документального наследия папской курии и грамот императоров Священной Римской империи ([Лихачев Н. П.] Музей палеографии // Научные учреждения АН СССР: краткое обозрение ко дню десятилетия (1917–1927) / Под ред. И. Ю. Крачковского. Л., 1927. С. 102–108). На постоянной выставке было представлено пять дожеских постановлений 1320–1440-х гг. – жалованных грамот большого формата, подтверждающих имущественные права венецианских граждан на земельные участки в самой Венеции, приобретенные в результате купли-продажи или по праву наследования.

Одновременно с этими большими грамотами было выставлено одно единственное послание дожа Микеле Стено 1410 г., адресованное капитану города Брешелло. Послание упоминает знаменитого кондотьера Оттобоне Терци (1360–1409), отмеченного Ариосто тирана Реджио и Пармы, уже год как покойного. В награду за военную помощь против синьоров Падуи и Феррары в 1405 г. он и его наследники были включены в число венецианских фамилий, имеющих право заседать в Большом Совете, что позволило епископу Пармы Джованни Рускони (1380–1412) прибегнуть к суду дожа с требованием вернуть отобранные кондотьером у епископской кафедры земли вблизи Брешелло, которые на момент издания документа находились под управлением Венеции. Послание 1410 г. требует от представителя венецианской администрации проверить справедливость жалобы и заявленного ущерба в 300 дукатов.

Документ был выбран для экспозиции по причине исторического интереса, а также как пример древнейшего в коллекции закрытого послания с сохранившейся вислой печатью. Однако при рассмотрении других дожеских посланий XIV–XVI вв. из собрания Н. П. Лихачева, стало понятно, что послание Микеле Стено было не единственным документом такого рода, приобретенным ради его экспозиционного потенциала. На это, в частности, указывает «реферат» Н. П. Лихачева о венецианской сфрагистике, опубликованный Л. Г. Климановым по авторскому черновику доклада в ГАИМК 9 и 16 марта 1923 г из Архива СПБИИ РАН и дополненный протокольной записью (Лихачев Н. П. Буллы // Климанов Л. Г. Византийские отражения в сфрагистике. Приложение 1. Неопубликованные работы Н. П. Лихачева о сфрагистике. СПб., 1999. С. 286–312).

В качестве таких памятников, приобретенных как наиболее показательные экземпляры, следует назвать отмеченные в «реферате»: древнейшее открытое послание Марино Фальера 1355 г. с треугольной пликой; письма Андреа Контарини, Антонио Веньера и Микеле Стено к маркизам Феррары 1372–1408 гг. по вопросам границ и в разрешение дипломатических конфликтов; два послания Франческо Фоскари – закрытое и открытое – с сохранными печатями 1441–1443 гг.; закрытые послания Агостино Барбариго 1499 г. капитану и вицедуке Крита и Андреа Гритти 1524 г. к управителю и советникам Кипра; открытое послание Агостино Барбариго 1491 г. с сохранившейся печатью и

впоследствии дополненное иллюминацией. К ним также следует добавить торжественное открытое послание Франческо Донато 1548 г. – изначально роскошно иллюминированное, с сохранной печатью на красном шелковом шнуре (*corda rossa*).

В. В. Шишкин
Французские документы дипломатической корреспонденции
Ивана Грозного (1555-1583)

В декабре 2025 г. появилась вторая книга первого тома Дипломатической корреспонденции царя Ивана IV Васильевича, включающая в себя переписку русского двора с Данией, Швецией, Англией и Францией, в которой присутствуют все известные на сегодняшний день входящие и исходящие документы или упоминания о таковых (издательство «Наука», под общей редакцией К. Ю. Ерусалимского). Вплоть до 2017 г. в литературе господствовало мнение, что прямые эпистолярные отношения монархов России и Франции в 1530-1580-е гг. отсутствовали: исключением было лишь одно упоминание о письме Генриха III 1583 г. в исследовании Г. Жордания 1959 г. Однако в виду отсутствия списков и копий этого послания, его редко принимали во внимание. Равным образом письмо Генриха II 1555 г., найденное впервые в конце XIX в. в Государственном архиве Вены и опубликованное во Франции П. О. Пирлингом, вскоре было совершенно забыто сообществом историков. Вновь обнаруженное И. Шварц в 2017 г., оно послужило поводом для возвращения к изучению франко-русской дипломатической переписки.

Доклад, таким образом, посвящен трем документам – письмам королей Франции к Ивану IV (1555-1583), с реконструкцией исторического контекста, а в двух случаях, содержания посланий, с пояснением принципов издания и представлением документов, не сохранившихся до наших дней.

Т. Н. Таценко
Авантурист и алхимик при Баварском дворе конца XVI в.
(по материалам Архива СПБИИ РАН)

Среди нескольких десятков подлинных писем Вильгельма V, герцога Баварского (1547–1626), к Минуччио Минуччи,циальному советнику и агенту герцога при папском престоле, хранящихся в архиве СПБИИ РАН, имеются два послания, касающиеся истории известного авантюриста и алхимика *Marco Bragadino* (1545-1591), закончившего свою жизнь на плахе в Мюнхене, но, тем не менее, оставившего свой след в культурной жизни Баварской столицы до сего времени.

Первое из писем, выполненное на латинском языке и, собственноручно подписанное герцогом, датировано 4 мая 1591 г., в Мюнхене, через несколько дней после казни Брагадино (ЗЕС, колл. 25, карт. 417, № 2). Второе послание представляет собой описание допроса Брагадино в тюрьме и не имеет даты (ЗЕС, колл. 25, карт. 417, № 13). Оно собственноручно заверено герцогом и, очевидно, было переведено с немецкого оригинала протокола на итальянский язык и предназначено для пересылки Минуччи в Рим. Этот документ, судя по всему, может быть датирован временем за несколько дней до или после казни Брагадино 26 мая 1591 г. Оба рукописных памятника исполнены прекрасным гуманистическим курсивом профессиональной руки, но трудночитаемым, т. к. сильно испорченны разводами от сырости.

Природный итальянец Брагадино, рожденный как *Marco Antonio Mamugna*, происходил с Кипра, откуда его семья после захвата острова турками в 1570 /1571 г. бежала в Венецию, где он назывался *Marco Bragadino* - славным именем военачальника Венецианской республики. Обладая от природы сильным характером авантюристической складки, он обучился популярной тогда алхимии и с помощью врожденной харизмы и

дара убеждения постепенно приобрел славу мастера, владеющего тайной философского камня (lapis philosophorum) и умеющего превращать в золото различные субстанции, а также умножать объемы драгоценного металла.

Из описания допроса Брагадино (417/13) мы узнаем, как путем обманных обещаний и искусственных уловок ему удавалось завладевать крупными суммами денег и ценностями видных итальянских князей, таких как, например, герцог Мантуанский и Великий герцог Тосканский, а также и бесчисленного числа знатных сеньоров и богатых купцов. Спасаясь от кредиторов и обманутых клиентов, он постоянно менял места жительства, одно время скрывался даже в монастыре капуцинов в Риме, где принял сан младшего дьякона.

Неудивительно поэтому, что летом 1590 г. Брагадино охотно отправился в заальпийскую Баварию по приглашению герцога Вильгельма, который подобно всем немецким князьям имел большие денежные проблемы с финансированием своего территориального государства. Как и многие другие, герцог попал под магнетизм обещаний Брагадино избавить его от горы долгов путем мистического приращения / сублимации золота. Тем не менее, трезвые немецкие чиновники, а пусть всего представители земских сословий, сразу заподозрили авантюризм Брагадино и ужаснулись новым тратам. В письме к Минуччи уже по следам событий (417/2) герцог признавал, что доверился Брагадино, несмотря даже на противодействие семьи: матери, жены, брата-курфюрста Фердинанда, сына - наследного принца Максимилиана.

Минуччи был посвящен в историю с Брагадино, т. к. герцог Вильгельм в свое время поручал ему способствовать в курии освобождению Брагадино от когда-то легкомысленно принятого духовного сана. Минуччи сознательно не исполнил приказ из-за осведомленности о «подвигах» Брагадино в Италии. Примечательно, что в упомянутом письме к Минуччи уже после казни Брагадино (417/2), герцог, хотя, вероятно, и сожалел об истории с алхимиком, предостерегал Минуччи от обсуждения этой истории с кем бы то ни было, «что не способствовало бы сохранению и приумножению дела нашего и чести нашей (*quod non pertineret ad conseruandam et augendam rem et dignitatem nostran*)».

В. И. Мажуга
О. А. Добиаш-Рождественская и С. А. Аннинский в работе над изданием
Актов Кремоны (1931–1937 гг.).

Кабинет вспомогательных исторических дисциплин, основанный в октябре 1920 г. при Факультете общественных наук Петроградского университета, явился основной базой университетского палеографического семинария О. А. Добиаш-Рождественской, главным же предметом семинарских занятий стала работа с уникальным собранием грамот X–XIII вв. из архива капитула итальянской Кремоны в составе Палеографического кабинета Н. П. Лихачева. Дело не ограничивалось археографическим изучением грамот, венцом занятий в семинарии О. А. служили работы исторического характера на основе материала изученных подлинных грамот, и всюду первенствовал В. В. Бахтин, который скоро стал незаменимым сотрудником О. А. Были выполнены разного качества транскрипции 60 грамот, но изменившиеся обстоятельства, не позволили тогда довести до зрелых результатов дело изучения кремонских грамот.

Однако же, судя по одной недатированной записке О. А. к С. А. примерно февраля 1931 г. (Арх. СПБИИ АН, Ф. 267, оп. 1, № 54), одна грамота из «проработанных» и пятнадцать еще ожидавших изучения оставались вплоть до того времени на руках О. А. и лишь в январе 1931 г. были возвращены в Музей документа, книги и письма, бывший Палеографический кабинет. Начинается же записка сообщением о передаче адресату рабочей картотеки *incipit* «проработанных хартий» как материала, который может быть полезен при разборе («для работы сверки») кремонских грамот.

В течение 1930–1932 гг. Аннинский подготовил описание коллекции кремонских грамот и снабдил его несколькими алфавитными указателями, и в 1932 г. было принято

решение об издании кремонских грамот. Нетрудно предположить, что деятельность Аннинского направлялась сначала академиком С. Ф. Ольденбургом, и. о. директора Музея документа, книги и письма в 1930 г., а затем академиком А. С. Орловым, возглавившим вновь созданный на основе музея одноименный институт, человеком новым в академической среде Ленинграда, но готовым проводить намеченную Ольденбургом линию. На принятии решения о публикации кремонских грамот могла оказаться инициатива О. А., которая к тому же была лично дружески связана с Ольденбургом. Как бы то ни было, вскоре после того, как решение было принято, запиской от 23 января 1933 г. (№ 37) она попросила Аннинского выдать ей шесть кремонских грамот, как и итальянское выборочное издание кремонских грамот Л. Астеджано, причем общим для этих грамот разного содержания было главным образом отсутствие их текста в издании Астеджано, как и в других подобных изданиях.

Но в то время О. А. была поглощена работой над главным трудом ее жизни, обеспечившим ей, как ни одно другое ее исследование, широкое международное признание – работой над книгой о скриптории аббатства Корби, опубликованной по-французски в 1934 г. в серии трудов Института истории естествознания и техники АН СССР. Что же касается работы над изданием кремонских грамот, то на первом ее этапе О. А. очень рассчитывала, что к работе в 1934 г. сможет подключиться В. В. Бахтин, отбывший к тому времени срок заключения и ссылки, и прилагала к тому чрезвычайные усилия, а Аннинский ей деятельно помогал.

В подготовку издания кремонских грамот О. А. смогла по-настоящему включиться только в июне 1935 г.; в начале 1937 г. она сосредоточилась на написании своего очерка по истории Кремоны в качестве «Предисловия» к изданию и на редактуре «Введения» Аннинского и его русских аннотаций. «Предисловие» было готово в срок, но издательский редактор внес свои поправки в заключительную его часть, где речь шла о месте издания «Акты Кремоны» в современной мировой науке и оценивалось состояние последней. Благодаря своей настойчивости О. А. добилась сохранения своих формулировок.

A. M. Скворцов

Наука об Античности в годы Великой Отечественной войны:
итоги изучения

В ходе выступления будет представлена монография «Античная классика в годы Великой Отечественной войны: от апологии “скифского” сопротивления к греко-римской эстетике советских триумфов», вышедшая в издательстве «Наука» в конце 2025 г. Задача авторов (А. М. Скворцова, С. Г. Карпюка и В. А. Конопаткина) заключалась в понимании того, как, казалось бы, далекая от советского человека классическая древность была мобилизована для решения задач военного времени. Для этого были проанализированы институциональные изменения, исследовательская и преподавательская деятельность ученых, характер нарративов об античности. Особое внимание в книге уделено подготовке кадров, адаптации вузовских и школьных учебных программ к военным условиям. Сообщество антиковедов предстает в этот период как элемент масштабного слаженного механизма, запущенного для достижения общей цели – Победы. Причем в творчестве антиковедов находилось место вполне традиционным научным занятиям, а не только агитационно-пропагандистской работе (напр., подготовка к юбилею Лукреция). До 1943 г. материал Античности использовался преимущественно в пропагандистских целях. С 1943 г. изменился идеологический вектор и появились новые задачи: происходило переосмысление места и роли России/СССР в мировой истории, в результате чего наметилась тенденция возводить культурные истоки страны через посредничество городов Причерноморья и Византии к Греции и Риму.

В докладе предполагается осветить некоторые источниковедческие вопросы, в частности, использование диссертаций, научных и научно-популярных публикаций военного времени в историографических исследованиях.

И. Д. Травин

Личный фонд А. Д. Люблинской в Архиве СПБИИ РАН

Александра Дмитриевна Люблинская – советский историк, источниковед и палеограф. Автор монографий, каталогов и научных пособий, участница нескольких десятков коллективных изданий, Александра Дмитриевна известна как одна из крупнейших советских и мировых специалистов по истории Франции раннего Нового времени.

Александра Дмитриевна Люблинская (в девичестве Стефанович) родилась в Петербурге 14 мая 1902 года. В 1918 году она окончила с золотой медалью Демидовскую гимназию, и поступила на историческое отделение Высших женских курсов. После окончания Петроградского университета в 1922 г. по рекомендации О. А. Добиаш-Рождественской была принята в Государственную Публичную библиотеку помощником библиотекаря и за 20 лет дослужилась до должности главного библиотекаря Отдела рукописей и и. о. заместителя директора по научной работе. В 1936 г. также начала преподавательскую деятельность на историческом факультете Ленинградского государственного университета. В 1941 г. защитила кандидатскую диссертацию «Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV». С 1955 по 1960 гг. была заведующей кафедрой истории Средних веков. В 1951 году защитила докторскую диссертацию «Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610-1620 годах». В 1957 году перешла на работу в Ленинградское отделение института истории АН СССР в должности старшего научного сотрудника, некоторое время продолжая преподавание в ЛГУ. Скончалась 22 января 1980 г.

В Западноевропейской секции Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН хранится личный фонд Александры Дмитриевны Люблинской. Материалы, составившие его, поступили в Архив в 1980 году от Елены Дмитриевны Стефанович, сестры Александры Дмитриевны. Многогранная профессиональная деятельность Александры Дмитриевны, а также склонность к сохранению материалов не только научного, но и личного характера обусловили огромный размер фонда объёмом примерно в сотню архивных картонов. Они же диктуют необходимость разделения фонда на три описи: «Научные труды и материалы к ним», «Материалы к биографии и по деятельности» и «Переписка».

В первой описи находятся тома диссертаций Александры Дмитриевны, рукописи и машинописи некоторых её монографий и статей, тексты отзывов на различные диссертации и научные труды, подготовительные материалы к коллективным изданиям и общественным выступлениям. Во второй описи находятся материалы, повествующие о жизни Александры Дмитриевны: автобиографии, документы об образовании и трудовой деятельности, юридические, финансовые и медицинские документы, характеристики, справки и удостоверения, материалы по служебной деятельности в ГПБ, ЛГУ, ЛОИИ и других советских и международных организациях, а также документы, связанные с командировками и туристическими поездками по СССР и Европе. В третьей описи находится переписка Александры Дмитриевны с друзьями, учениками, коллегами по работе и различными научными организациями.

Тема: Локальные сообщества в Русском государстве XV- начала XVIII в.

A. M. Введенский

О владельцах Комиссионного списка Новгородской первой летописи

В этих стенах хранится Комиссионный список Новгородской первой летописи, созданный в 1440-х годах в Новгороде, который по праву считается жемчужиной коллекции СПб ИИ РАН. Однако изучен он далеко не полностью. Лакуной является сведения о его владельцах. А. Н. Насонов, положивший в основу своего издания Новгородской первой летописи 1950 года именно Комиссионный список, в описании, предваряющим летописный текст, указал на двух владельцев данного летописного списка, о которых написано по листам самой рукописи. Никаких других данных об этих людях исследователь не привел. Из записи мы узнаем, что в XVII веке летопись принадлежала Прокофию Ивановичу Враскому, а в последней четверти XVIII века она находилась у Василия Ильину, который был наследником одной из церквей Арзамаса. Как оказалось, биографии обоих упомянутых лиц нам до какой-то степени известны. Но те исследователи, которые писали о их деятельности, не знали о том факте, что им принадлежала такая известная рукопись. В докладе речь пойдет о биографии владельцев Комиссионного списка, и будет выдвинута гипотеза о том, как рукопись попала в Арзамас.

A. B. Сиренов

Древнерусский некрополь владимирского Княгинина монастыря и проблема атрибуции владимирских княгинь XIII в.

В настоящее время проводятся историко-генетические исследования представителей древнерусской княжеской династии Рюриковичей. В последние годы увидело свет несколько научных работ, авторы которых обращаются к погребениям владимирских княгинь, останки которых стали доступны для антропологического и генетического изучения в 2015 г. Главная проблема, с которой сталкиваются исследователи, состоит в атрибуции лиц, погребенных во владимирском Княгинином монастыре, поскольку погребения неоднократно перемещали, а в советское время некоторые из них были уничтожены. На наш взгляд, разобраться в этой запутанной истории все же можно, если обратиться к письменным свидетельствам по истории княжеского некрополя Княгинина монастыря.

Успенский монастырь во Владимире был основан князем Всеволодом Большое Гнездо в 1200 г. и уже при основании назван Княгининым, что позволяет предположить особую роль в его устройстве жены Всеволода княгини Марии (с XIV в. источники стали называть ее Марией Шварновной), которая семь лет страдала от тяжелой болезни, будучи прикованой к постели, а в 1206 г. приняла постриг в Княгинином монастыре и через 18 дней после этого умерла. Еще раньше, сразу же после постройки кирпичного собора с галереей, в которой были устроены аркасолии (ниши для гробниц), в 1201 г. там была похоронена сестра княгини Марии, а в 1205 г. — дочь Марии и Всеволода княжна Елена. Еще одно погребение относится к 1230 г., когда в Успенском соборе Княгинина монастыря поместили останки христианского мученика Авраамия, погибшего от рук мусульман в столице Волжской Болгарии. Таким образом, летопись сообщает о четырех погребениях в соборе.

Впервые некрополь Княгинина монастыря описан в первой половине — середине XVI в. В это время собор XIII в. сменился новым собором XVI в., построенным, правда, на фундаментах предыдущего. Все погребения располагались в приделах: северном Благовещенском и южном Христорождественском. Описание некрополя Княгинина монастыря фиксирует пять гробниц: две в северном Благовещенском приделе и три в

южном Христорождественском. В результате сопоставления всех известных вариантов этого описания оказывается возможным реконструировать первоначальный текст. Сначала были описаны две гробницы Благовещенского придела: первая Марии Шварновны, а вторая Авраамия Болгарского. При вскрытии гробницы Марии Шварновны там оказались останки еще одного человека, ростом Марии Шварновне по плечи. В южном Христорождественском приделе в аркасолии в правой стене были вскрыты мощи дочери Александра Невского Евдокии, а рядом с нею также в каменной гробнице — «моши неведомо чьи». В аркасолии в левой стене в каменной гробнице зафиксированы останки жены Александра Невского Василисы, обряженные в схиму. Скорее всего, здесь имеется в виду жена князя Андрея Городецкого, сына Александра Невского.

Подчеркнем уникальную особенность описания некрополя Княгинина монастыря, на которую исследователи не обращают должного внимания. При описании каждой гробницы сказано, что обнаруженные в ней останки изымали и перекладывали в другой гроб. Такое перемещение гробниц, на наш взгляд, неслучайно. Его следует объяснить строительством нового собора. Только острая необходимость, разборка здания собора XIII в., заставила монахинь вскрывать древние погребения. Получается, что в XVI в. в соборе вскрыли все имевшиеся в нем погребения, в том числе и те, которые были сделаны в 1201 и 1205 гг. Если это так, то погребение в одном саркофаге с Марией Шварновной, скорее всего, принадлежат ее дочери Елене, анонимное же погребение в Христорождественском приделе принадлежит неизвестной по имени сестре Марии Шварновны. Еще в XVI в. погребение в одной гробнице с Марией Шварновной было атрибутировано второй жене князя Всеволода Анне Васильковне, а другое анонимное погребение (в Христорождественском приделе) — жене Александра Невского Александре. Имя последней появилось в результате вымысла. Следует констатировать, что эти атрибуции полностью безосновательны.

Антропологическое и генетическое исследование обнаруженных в 2015 г. в Успенском соборе Княгинина монастыря останков двух женщин (возрастом 45–50 и 25–30 лет) и девочки (возрастом около девяти лет), показало, что старшая женщина и девочка состоят в родстве, а младшая женщина им не родственница. Отсюда можно предположить, что старшая женщина — это Мария Шварновна (на этом сходятся все исследователи), девочка — ее дочь Елена, умершая в 1205 г., а молодая женщина — княгиня Василиса (точка зрения В. И. Меркулова). Так называемая Александра, останки которой не сохранились, по нашему мнению, может быть неизвестной по имени сестрой Марии Шварновны, умершей в 1201 г. Полагаем, что приведенные наблюдения над историей некрополя владимирского Княгинина монастыря помогут современным исследователям в важном деле антропологического и генетического изучения династии Рюриковичей.

А. Г. Авдеев

Новые находки старорусских надписей в 2025 г.

В 2025 г. коллектив «Свода русских надписей» вел поиски и документирование старорусских эпиграфических памятников в Москве, Ярославской (М. Д. Дынин), Рязанской и Тверской (А. А. Зиганшина) областях.

В Ярославской области было документировано 99 надписей XVI–XVIII вв. Из них наибольший интерес представляют:

— эпитафия невинно убиенному младенцу Иоанну Чеполосову (1663 г., Углич, Воскресенский монастырь), который почитается в Угличе как местночтимый святой;

— надгробные плиты XVII–XVIII вв. из некрополя Алябьевых у церкви Богоявления в с. Николо-Эдома.

В Рязанской области было документировано 50 надписей XVI–XVIII вв. Из них наибольший интерес представляют:

- надпись о строительстве врат, ограды и житенных палат митрополитом Рязанским и Муромским (1681 г.) на митрополичьем дворе в Рязани;
- памятная надпись Ивану Павлову сыну на белокаменном кресте (1631 г.) (Рязанский музей);
- плиты из некрополя Ляпуновых в с. Исады;

В Тверской области были документированы две надгробные плиты, хранящиеся в Кимрском краеведческом музее.

Наиболее значимой находкой в Москве является эпитафия Андрею Иванову сыну Тимиреву (1723 г.), человеку дома Алексея Михайловича Аргамакова из церкви Петра и Павла у Яузских ворот Белого города.

А. М. Аргамаков (1711–1757 г.) — первый директор Императорского Московского университета. Надгробная плита человека его дома задала вектор поисков места его рождения. Установлено, что двор его отца находился в соседнем с храмом Петра и Павла приходе церкви Николы Чудотворца в Подкопаеве, где будущий директор и был крещен.

H. B. Баинин

Смута в Вологде. Фрагмент приходо-расходной книги Вологодского архиерейского дома из Собрания академика М. Н. Тихомирова в ОРКР ГПНТБ СО РАН

Смута в разных частях Российского государства требует пристального внимания и тщательного изучения. Это обусловлено тем, что данный период оказался плотно насыщен историческими событиями, менялись цари, союзники становились интервентами, укрепленные города и монастыри открывали свои ворота перед штурмующими отрядами или наоборот держались до последнего и не были взяты. Вологда несмотря на свое отдаление от северо-западных границ России тоже оказалась втянутой в события Смуты. Документы Вологодского архиерейского дома и других учреждений погибли в пожаре осенью 1612 г. поэтому о многих событиях можно судить только ретроспективно из рукописей, созданных после ухода захватчиков. За 1612–1615 гг. документов сохранилось немного. В Собрании М. Н. Тихомирова в ОРКР ГПНТБ СО РАН был выявлен фрагмент приходо-расходной книги князей Федора и Василия Андреевичей Дябринских и дьяка Исаака Парфентьева Вологодского архиерейского дома, датируемый 6 июля – 31 августа 1613 г.¹

В 1609 г. скончался архиепископ Вологодский и Великопермский Иоасаф II. С 1609 до лета 1611 г. вологодская кафедра была вакантна. 2 марта 1611 г. город Корела капитулировал, и епископ Корельский и Орешский Сильвестр приехал в Вологду, где и оставался до 1613 г. не будучи возведен в архиепископа Вологодского и Великопермского. Летом 1613 г. архиепископом на Вологде стал Нектарий Грек. Выявленный документ проливает дополнительный свет на эти события.

T. B. Сазонова

«...живет во всяком безстрашии самоволством и многих сестр из монастыря вон розогнала»

(обвинения игумены Горицкого монастыря Марфы Товарищевой и ее отставка)

В 1679 г. в Горицком монастыре «на Белоозере» началось расследование по указу патриарха Иоакима. Поводом к нему послужили члены старца Горицкого монастыря, жаловавшихся на неправедное житье игумены Марфы Товарищевой и растрату ее казенных денег. По результатам сысков игуменья была отставлена, хотя управляла монастырем в течении 20 лет. Одни из наиболее распространенных обвинений о растрате денег или пропажи денег из монастырской казны всегда приводили к отставке. Из

¹ Благодарю Е. С. Дилягул, которая обратила мое внимание на эту рукопись и А. Ю. Бородихина, который оказал помочь в работе с этим источником.

документов становится известно, что часть монахинь поддерживала игуменью, часть выступала активно против. В этот конфликт были вовлечены власти Кирилло-Белозерского монастыря, который был призван «оберегать» и курировать девичий Горицкий. Вероятно, личное отношение к игуменье не позволило им провести расследование беспристрастно, поэтому его поручили властям Глушицкого монастыря.

На место отставленной Марфы монахиням Горицкого монастыря было указано выбрать из сестер старицу, «в монашестве многолетнюю и доброжитенную», и результаты выбора, подписанные старицами, и саму новую игуменью отправить в Москву. Однако десять стариц выбор не подписали, «а иные, бывшие в монастыре, <...> рук не приложили и с собору сошли», а некоторые на собор и не явились. Старицы, не подписавшие выбор, заявили, что за новой игуменьей «никакого порока не знают, а рук к выбору не приложат». Несмотря на это, новая игуменья была утверждена патриархом.

Это конфликт стоит в череде «нестроений», случившихся в монастыре в 80-гг. XVII в. С одной стороны, за каждым конфликтом стояла своя особая история, с другой, механизм отстранения игумены, набор обвинений был, если можно так сказать, отработанным, что, как правило, приводило к поставленной цели.

А. П. Павлов

Вхождение в состав государева двора выходцев из провинциального дворянства в первой половине XVII века (на примере Алексинского уезда)

В годы Смуты начала XVII в. наблюдаются активные и самостоятельные выступления уездного дворянства в защиту своих интересов. Особую активность проявили дворяне южных и западных уездов, где происходили важные военные события Смутного времени. В их числе был Алексинский уезд.

На первых этапах Смуты дворяне Алексинского у., как и других «Украинных городов», приняли участие в антиправительственных выступлениях. Алексинцы поддержали Лжедмитрия I во время его похода на Москву, выступали в рядах повстанческой армии И. И. Болотникова. Однако вследствии, в середине ноября – начале декабря 1606 г., дворянство Алексинского у. отходит от повстанческого движения и переходит на сторону правительенного лагеря.

Как показала произведенная нами реконструкция состава московских осадных сидельцев при царе Василии Шуйском, основную массу дворян и детей боярских, сидевших в осаде на Москве от войск Лжедмитрия II (почти три четверти), составляли помещики южных и юго-западных «украинных» городов. Одну из наиболее многочисленных групп осадных сидельцев составляли алексинцы, дворяне и дети боярские (87 человек).

Многие алексинские дворяне, сидевшие в осаде на Москве, продолжали оставаться в столице и после свержения Василия Шуйского, постепенно втягиваясь в общерусскую политическую борьбу. Они входили состав участников московского посольства под Смоленск к королю Сигизмунду (сентябрь 1610 г.), принимали участие в земском освободительном движении 1611–1612 гг., в избирательной кампании 1613 г.

Активные службы алексинского дворянства не оставались не замеченными в Москве. Мы наблюдаем весьма интенсивное проникновение в состав московского дворянства выходцев из алексинских служилых родов. Всего в московские чины в Смутное время и в годы царствования Михаила Федоровича выдвинулись представители 15-ти наиболее видных родов алексинского дворянства, активно проявившие себя в событиях рассматриваемого времени сторонниками московской власти (Арцыбашевы, Бибиковы, Бутиковы, Вельяминовы, кн. Волконские, Глебовы, кн. Горчаковы, Дашковы, Кологривовы, Лодыженские, кн. Мещерские, Хитрово, Ходыревы, Челюсткины, Шушерины).

Пожалованные в «московский список» алексинские дворяне, стремясь закрепить положение своего рода при московском дворе, активно продвигали в состав дворовых чинов своих сыновей и других родственников, которые постепенно утверждались при московском дворе.

Некоторые выходцы из алексинских родов, благодаря родственным связям, покровительству и личным качествам, сумели в XVII веке войти в круг высшей придворной элиты — в думные и ближние «комнатные» люди (представители князей Волконских, Хитрова, кн. Горчаковых, Лодыженских, Глебовых).

Таким образом, попав в состав московского двора, выходцы из алексинского дворянства (как и дворяне других служилых «городов») прочно укоренялись в новой придворной среде, существенно пополняя при дворе ряды старой московской знати.

В. Г. Вовина

Рыбные промыслы Антониево-Сийского монастыря XVII века

Исследование монастырских промыслов на Севере, особенно в удаленных районах, непосредственно связано с изучением Российской Арктики, что сейчас актуально для нашего института. Одним из монастырей, который еще в допетровский период освоил пути на Кольский полуостров и другие побережья северных морей и Северного Ледовитого океана, был Антониев-Сийский монастырь. Он сам находился на севере России, но все-таки не в Заполярье. Туда проникали лишь его агенты, там располагались постоянные промыслы, во главе которых стояли приказчики из числа монахов, оттуда снаряжались лодки для рыбных ловель, чаще всего в устьях северных рек, куда заходили ценные породы рыб, из которых для монастыря были особенно важными семга и палтус. Этот аспект исследований непосредственно связан с темой нашего отдела, посвященной исследованиям локальных групп русского Средневековья.

Сохранилось два вида хозяйственных книг Антониево-Сийского монастыря, связанных с добычей и расходом рыбы. Одна группа содержит приход и расход денег и рыбы по обще-монастырским поездкам в Новгород, Москву или другие центры. Этими книгами занимался П.В. Седов, исследуя вопрос о монастырских вкладчиках из числа придворной элиты, который монахи привозили рыбу в подарок (см. Труды СПБИИ РАН, вып. 7(23), 2022). У меня в этом году также вышла статья, посвященная анализу содержания одной из таких книг (*QUAESTIO ROSSICA* Vol. 13. 2025. № 2).

Однако, есть и приходо-расходные книги приказчиков отдельных рыбных промыслов. В этом году меня больше интересовали последние: именно таким небольшим книгам приказчиков отдельных промыслов был посвящен доклад в Новосибирске на Покровских чтениях осенью этого года, в настоящее время идет его переработка в статью для сборника памяти З.В. Дмитриевой.

Хозяйственные книги этого рода сохранились в Архиве СПБИИ РАН и в РГАДА. Они представляют отдельные местности. В нашем архиве отложились книги ловель, расположенных на Кольской стороне горла Белого моря. Это ловли на «Пулонском берегу» (от реки Пулонги, впадающей в Белое море), «Орловском берегу» (сходные топонимы находятся на берегу в Мурманской области). С этой же стороны располагалось самое удаленное на север «Мурманское Лицкое становище», упоминаемое в приходо-расходных книгах. Оттуда к местам постоянных монастырских промыслов приходили лодки с рыбой (речь, видимо, идет о реке Восточная Лица, богатой семужными ямами).

Хозяйственные книги из РГАДА сохранились от других промысловых монастырских мест. Очевидно, такое различие было связано с историей разделения всего монастырского архива. В РГАДА попали материалы по промыслам, располагавшимся с правой стороны от горла Белого моря и от Двинской губы (если смотреть по карте): Ручьевского промысла (от реки Ручьи, впадающей в Белое море), находившегося неподалеку Зимнегорского промысла, Золотицкого промысла (от реки Зимняя Золотица) и

Соянского промысла (по реке Сояна, впадающей в Кулой недалеко от ее устья и Мезенской губы Белого моря). В этих же материалах упоминается «морской рыбный промысел Летней стороны», то есть находившийся слева от Двинской губы.

Содержание книг позволяет понять разнообразные аспекты функционирования промыслов и деятельности монастырских приказчиков: наименование сортов и характеристики рыбы которую упоминают книги; номенклатуру не рыбных покупок в каждом из промысловых мест (как правило устойчивый набор, связанный с оборудованием лодки, ее починкой, согреванием и питанием во время длительного плавания), хотя в некоторых местах были свои особенности; набор рыбных покупок «на свой обиход»; выплаты за выполненную работу наемным работникам, виды этих работ и т.д. Все вместе это позволяет представить жизнь удаленных от монастыря, но тесно связанных с ним, в частности, отчетностью, промысловых мест Русской Арктики до самого конца семнадцатого столетия (при том, что самая ранняя книга датирована 1653 г.).

O. A. Абеленцева

Особенности приходных и расходных денежные книги Успенского Тихвинского монастыря 1623–1656 гг. как учетной документации

Цель исследования — установить, как велся учет расходования денежных средств в Успенском Тихвинском монастыре, как оформлялась учетная документация. Анализ приходных и расходных денежных книг монастыря за 1623–1656 гг. проходил в три этапа. На первом этапе были изучены книги 1623–1633 гг., на втором 1634–1646 гг., на третьем 1647–1656 гг. За весь исследуемый период учтено 75 приходных и 67 расходных денежных книг. За это время в монастыре сменилось восемь казначеев. Анализ книг показал, что с течением времени в их ведении происходили изменения. Книги 1623–1631 гг. не имеют скреп контролирующих лиц. Итоговые подсчеты в них за сентябрьский год были произведены уже после кончины казначея Иринарха. В 1623–1633 гг. ведение новой книги за редкими исключениями начиналось с нового сентябрьского года. В 1634–1644 гг. с приходом в октябре 1633 г. нового казначея Симеона порядок ведения книг изменился. Новую книгу стали начинать с апреля, а заканчивать марта. Затем произошла смена казначеев и временный возврат к сентябрьским книгам. Окончательно форма ведения книг с апреля устанавливается к 1640 г., что соответствует периоду второго игуменства Сергия. При этом годовые итоги по-прежнему считали за сентябрьский год, и записывали их в середине книги в конце записей за август. Вероятно, идея начинать книгу в апреле связана была с тем, что в этом месяце начинался новый сезон сельскохозяйственных работ. В том же 1640 г. в приходной и расходной книгах казначея Гавриила впервые появляется скрепа, но принадлежит она самому казначею. То есть в самих книгах нет фиксации контроля прихода и расхода со стороны других лиц. В книгах казначея Стефана (1647–1656 гг.) наконец появляются скрепы контролирующих лиц. Но контроль осуществляется не ежегодно, как, например, в Кирилло-Белозерском монастыре, а в конце каденции игумена / архимандрита. Такая заверка книг была произведена в конце игуменства Симеона в 1650 г., архимандритства Пимена в 1653 г., Иосифа в 1655 г. При этом в первых двух случаях скрепа была проставлена не в отдельных книгах, а шла через все книги, которые велись при возглавителе монастыря. Среди проставлявших скрепу были старцы «сидевшие при счете», то есть свидетели. Однако самих итоговых подсчетов в книгах казначея Стефана нет. На основании сказанного можно сделать вывод, что в 1620–1650-е гг. в Успенском Тихвинском монастыре приходные и расходные денежные книги не были самостоятельным итоговым документом счета — в них не было либо его итогов, либо скрепы контролирующих лиц. Вероятно, для фиксации сумм оформляли отдельные документы, но за этот период они не сохранились.

П. В. Седов

Отношение думных людей к расколу во второй половине XVII в.

Раскол XVII в. до сих пор остается одной из загадок отечественной истории, его причины и сущность оцениваются в историографии весьма различно. Детально проанализирована роль лидеров старообрядцев, тогда как повседневная практика отношения к никоновской реформе среди различных слоев общества остается малоизученной. В особенности это относится к позиции светской правящей элиты — думных людей. Хорошо известны факты приверженности «старой вере» боярина И. А. Хованского, боярыни Ф. П. Морозовой, Соковниных, Пушкиных и некоторых других представителей знати, но чувствования и действия остальных думных чинов и их родни остаются неясны по недостатку данных.

Новые возможности для анализа отношения думных людей к церковной реформе дают записи на богослужебных книгах дониконовской печати. В 1656 г. по приказу патриарха Никона были изданы новые Служебник, Часослов и Требник. Однако думные люди продолжали делать вклады в свои домовые и усадебные церкви книгами дониконовской печати, а это означает, что и служба в них не велась строго по-новому.

Во вкладных записях думных людей богослужебные книги дониконовской печати именуются «богодухновенными». По ним следовало вести службу — «по сих книгах Бога славить и о нашем здравии Бога молить», и им надлежало вечно оставаться при храме — быть «от той церкви никем неотъемлема во веки». Такие записи свидетельствуют об отношении к содержанию книг дониконовской печати: думные люди рассматривали их как истинные и желали, чтобы в их вотчинных храмах именно по ним велась служба «во веки». Упомянутые вклады сделаны за помин умерших родственников, которых вкладчики считали лучше поминать по старым книгам, существовавшим при жизни родителей.

Думные и приказные люди нарочно выискивали книги дониконовской печати для использования их в домашнем церковном обиходе. В ноябре 1669 г. дьяк Парфений Яковлевич Пятово (затем думный дьяк и думный дворянин) в бытность судьей Дворцового приказа в Новгороде выпрашивал у стряпчего Валдайского Иверского монастыря дониконовское издание, а от предложенной новоизданной Псалтири отказался, заявив, что пореформенных книг у него и так много, и «чтоб пожаловали старой печати прислали...новые-де мне не надобно».

Факты сочетания прежних дониконовских обрядов и нововведенных у представителей правящей элиты вовсе не обязательно было лицемерием, поскольку оно с трудом приложимо к той теплой вере, с которой прилично поминать своих родителей. Служба за упокой усопших по новоисправленным книгам подразумевала бы, что «родители» прожили жизнь как еретики. Во всяком случае, с точки зрения многих представителей столичной знати поминание родителей в усадебных храмах по книгам дониконовской печати не препятствовало их спасению.

Своеобразное «двоеверие», вообще характерное для переходных эпох, позволяло примирить разные религиозные установки применительно к одному человеку или одной семье. В противном случае человеку пришлось бы осудить не только официально отмененные религиозные практики, но и самого себя, когда-то свято верившего в то, что затем было предано анафеме. В любом случае в своих вотчинах многие думные и приказные люди поддерживали или, по крайней мере, не воспрещали службу по дониконовскому обряду.

M. V. Тихонова

Переписные книги в фондах Архива Санкт-Петербургского института истории РАН

В последние годы интерес российского общества к истории существенно изменился. Все больше людей интересуется изучением родных мест и своей семьи. Сюжеты, связанные с местной историей, привлекают внимание и различных общественных институтов, от региональных и местных администраций до церковных приходов. Чаще всего это связано с датировкой основания населенных пунктов, церквей, монастырей или иными памятными датами. Основой для таких исследований могут быть материалы различных переписей, сохранившие названия населенных пунктов и имена населявших их людей, названия церквей, рек и озер. Применительно к российской истории ранним пластом таких источников являются – переписные книги XVII – начала XVIII века.

Старейшими по времени поступления рукописными материалами Архива СПБИИ РАН являются фонды и коллекции, накопившиеся в результате деятельности созданной в 1834г. Комиссии для издания собранных Археографической экспедицией актов, с 1837 года переименованной в Археографическую комиссию.

Переписные книги (а также писцовые книги) входят в состав следующих коллекций: Коллекция 2 – Коллекция Актовых книг Археографической комиссии 116 ед.хр. Фонд 10 – Архангелогородская губернская канцелярия 1319 ед.хр. Коллекция 115 – Коллекция рукописных книг 1184 ед.хр.

География переписных книг Архива охватывает территории севера и северо-западных регионов. Переписная книга Тюмени и Тюменского уезда стоит несколько особняком.

На сегодняшний день активно обсуждается создание общего каталога этих источников, на основе карты административно-территориального деления XVII в., позволяющей определять принадлежность определенного поселения к конкретному уезду или стану/волости, каталога, доступного как для ученых, так и для более широкого круга интересующихся отечественной историей, а также каталога научных публикаций с результатами архивной работы по этой теме. Кроме того, есть идея создания постепенно пополняемого архива цифровых копий писцовых и переписных книг.

Тема: Колониальная политика империй Нового времени: Россия, страны Европы и Америки

A. В. Калюта

Этногонические мифы народов Центральной Мексики

В 2025 году основной темой моих исследований были этногонические мифы науа Центральной Мексики (астеков, аколуа, чальков и тлашкальтеков), дошедшие до наших дней благодаря письменным источникам на испанском языке и языке науатль раннеколониального периода, 1530-х-1610-х гг. Основное внимание было уделено этнополитическому аспекту этих текстов, которые позволяют с известной степенью осторожности реконструировать самые ранние этапы истории различных групп науа Центральной Мексики, формирование их этнического самосознания и представления о власти и формах ее легитимации до испанского завоевания. При анализе текстов в них были выделены сначала эпизоды заимствованные из Библии, такие как сотворение мира и первых людей в течении 6 дней, восстание ангелов против Бога, рождение Иисуса Христа, а затем мотивы доиспанского происхождения, имеющиеся также в мифологии других коренных народов Мезоамерики. К этим мотивам относятся: общая прародина – «место семи пещер» (Чикомосток у науа, Вукуб-Пек у майя), обретение новой родины в

результате воли бога-патрона данной этнической группы (Уицилопочтли у астеков-мешика, Камашти у тлашкальтеков, Курикавери у тарараков), который ведет в новую землю с помощью жрецов-ясновидцев, передающих его повеления и посыпает знамения, являющиеся руководством к наиболее важному действию, например основанию поселения или напротив продолжению странствия.

Наконец третьим мотивом являются интенсивные контакты с коренными жителями на новой родине, имеющие по большей части насильственный характер. Это по преимуществу военные столкновения, и они часто заканчиваются изгнанием, порабощением и даже полным истреблением автохтонов. Тем не менее в некоторых вариантах этногонических мифов науа эти контакты являются вполне мирными. Предводители мигрантов заключают браки с женщинами из местных правящих династий. Кроме того, автохтоны часто описываются как народы, находящиеся на более высоком уровне культурного развития по сравнению с мигрантами, предками науа, которые постепенно начинают усваивать все их достижения и менять свой прежний образ жизни.

Основные результаты исследования этногонических мифов науа как этнополитического источника могут быть сформулированы в виде следующих выводов.

В целом этногонические мифы науа показывают многослойность их этнического сознания накануне испанского завоевания, в котором можно выделить три уровня:

А. Уровень осознания себя как единой этнической общности с общим происхождением и единым языком, но разными политическими и экономическими интересами.

Б. Уровень осознания себя как жителей определенной области, часто объединенных в конфедерацию с общими оборонительными и наступательными интересами при сохранении полной автономии ее членов в вопросах внутреннего управления, а зачастую и внешней политики; в качестве примеров подобных объединений можно привести Тройственный союз и конфедерацию чальков. За пределами долины Мексико примером подобного политического образования может служить «республика Тлашкала» (Тлашкаллан).

С. Уровень самоидентификации как жителей определенного города-государства альтепетль, и именно этот уровень преобладал в сознании науа накануне испанского завоевания над всеми остальными. По сути, все рассмотренные нами предания — это история основания отдельных городов-государств и их отношений с ближайшими соседями. В структурном отношении альтепетль представлял собой объединение общин, нередко разноэтнических, под властью правителя или коллективного органа из глав наиболее влиятельных кварталов, что было типичным и для древних городов-государств Старого Света. Как и в Старом Свете, альтепетль имел четко определенные границы, собственный храмовый центр, рассматривавшийся как обиталище его бога-покровителя, собственный судебно-административный аппарат, содержавшийся за счет податей с его жителей. В период военных действий альтепетль выставлял свой отряд воинов. Отнюдь не случайно, что кульминацией в рассмотренных нами мифах и преданиях является основание альтепетля и установление его границ. Само это событие рассматривается как проявление воли бога-покровителя, явленной путем чудесных знамений, как в случае с основанием Теночtitлана и Амакемекана. При этом в каждом мифе об основании того или иного города-государства наблюдается тенденция представить его как изначального гегемона над всеми остальными, а его жителей — как избранных богами в качестве главенствующей группы. Этногонические мифы науа также проливают свет и на эволюцию такого института, как *кальпулли* — дословно «большой дом». Характер *кальпулли* был и остается предметом ожесточенных споров со второй половины XIX в., когда на него обратил внимание «отец американской социальной антропологии» Льюис Генри Морган.

Рассмотренные нами этногенетические предания показывают исключительную многозначность данного термина, поскольку в них слово кальпули обозначает следующее.

1. Племена или «народы» в момент их исхода из Чикомостока и первоначальных совместных странствий в поисках новой родины. Именно в этом значении термин кальпули употребляется в «Кодексе Ботурини» по отношению к восьми племенам, совместно покидающим общую прародину. При этом в число данных восьми *кальпули* входит и неродственное науа племя матлалцинков.

2. Часть племени в эпоху миграции вплоть до основания собственного поселения, в котором каждый кальпули получает свои земли и таким образом превращается в замкнутый квартал, ревниво охраняющий собственную территорию от посягательств соседей. Члены кальпули также предпочитали заключать браки между собой, избегая чужаков. Стоит отметить, что еще в эпоху миграции каждый кальпули уже имел своего главу, представляющего его интересы во время общих собраний, и богов-покровителей.

3. Весь *альтепетль*, т.е. город-государство. На наш взгляд, именно эта многозначность данного термина отражает эволюцию *кальпули* — от сравнительно небольшой группы охотников и собирателей, связанных между собой родственными связями и обязательствами взаимопомощи, до «квартала» того или иного города-государства, имеющего собственные строения, в том числе и храм, земельные угодья и собственный административный аппарат во главе с *кальпуллеком* и советом из глав наиболее влиятельных семей. Очень часто *кальпули* специализировались на определенном виде хозяйственной деятельности, ремесла и торговли, что еще больше способствовало сохранению их обособленности и самоуправления. Учитывая полигэтнический состав доиспанских городов-государств, крупные и влиятельные иноэтнические *кальпули*, специализирующиеся на определенном виде деятельности, являлись по сути, городом в городе, поддерживая свою идентичность с помощью эндогамных браков, единой экономической организации и общих ритуалов закрытых для чужих.

П. В. Крылов

Защита прав католиков в Ирландии в переписке нунция Галеаццо Марескотти из коллекции Н. П. Лихачёва

После реставрации Стюартов в 1661 г. отношения между Англией и Святым Престолом показали заметную положительную динамику, впрочем, серьёзно омрачаемую т.н. «ирландским вопросом», обострившимся в годы протектората Оливера Кромвеля. Габсбургская Испания была одной из стран, принимавших ирландских иммигрантов и оказывающих помощь единоверцам, что получало серьёзную поддержку со стороны римской курии. Входящая корреспонденция апостолической нунциатуры в Мадриде содержит тому целую серию свидетельств, распределённых по подборкам писем, отправленных от имени Конгрегации пропаганды веры и от государственного секретаря Святого Престола. Письма из обеих подборок носят подпись кардинала Палуццо Альтieri, племянника папы Климента X. Префект Конгрегации пропаганды веры, он одновременно управлял всей внешней политикой престарелого понтифика. Тематика писем может быть разделена на три направления. Во-первых, письма в которых идёт речь о контактах испанских и английских дипломатов. Автор просит адресата оказывать влияние на мадридский двор, чтобы его представители не упускали возможности ставить вопросы о положении католиков в Ирландии при общении с Лондоном. Во-вторых, письма касающиеся обучения студентов-католиков из Ирландии в Испании, в том числе, тех проблем, с которыми сталкивались организаторы процесса обучения, например, дисциплинарного характера. В-третьих, в переписке был затронут вопрос обеспечения

католических общин Ирландии духовенством. Таким образом, можно констатировать, что хранящиеся в СПБИИ РАН документы являются красноречивым свидетельством активной политики Святого Престола, использующей механизм апостолической нунциатуры для обеспечения своих имперских интересов в Англии за испанский счёт.

C. A. Isaev

Штат Нью-Йорк и принятие Конституции США (1787 – 1788 гг.)

1. На Конституционном конвенте в Филадельфии штат Нью-Йорк представляли 3 делегата: Александр Гамильтон, Роберт Йейтс, Джон Лансинг. Все они критически отнеслись к базовому «Виргинскому плану». Однако Гамильтон считал федеральную власть по Виргинскому плану недостаточно сильной, тогда как Йейтс и Лансинг, напротив, считали её слишком опасной для суверенитета штатов.

2. Все три делегата посещали заседания конвента нерегулярно; но когда посещали, вели себя весьма активно и делали подробные записи происходящего. В финальном голосовании по Конституции 17 сентября 1787 г. участвовал и подал голос за Конституцию только Гамильтон.

3. Конституция США формально вступила в силу на территории 9 штатов 21 июня 1788 г. 25 июня Конституцию ратифицировала Виргиния, после чего за пределами новой федерации оставались Нью-Йорк, Северная Каролина и Род-Айленд. Ратификационный конвент Нью-Йорка начал работу в Покипси 17 июня. Учитывая территориальное расположение и значимость штата Нью-Йорк, можно утверждать, что на протяжении месяца, пока этот конвент заседал, судьба федерации оставалась в подвешенном состоянии.

4. Противники Конституции в Нью-Йорке прибегли к тактике условной ратификации: они предлагали принять решение, что штат ратифицирует Конституцию лишь на условиях принятия федерацией вносимых Нью-Йорком поправок к Конституции. Если же поправки в течение 5 лет не будут приняты, штат Нью-Йорк выйдет из США.

5. В конце концов 26 июля 1788 г. конвент Нью-Йорка 30: 27 проголосовал за безусловную ратификацию Конституции США. Именно это решение было воспринято в США как окончательное торжество сторонников Конституции, и именно после него развернулась подготовка к первым выборам президента и членов Палаты представителей Конгресса. Тем не менее Нью-Йорк предложил к Конституции США 32 рекомендательные поправки. Большая их часть была позже продублирована Биллем о правах и принята 15 декабря 1791 г.

C. H. Искуль

Еще одно покушение, и почему оно не состоялось

Первое покушение на жизнь Наполеона, произошло в октябре 1809 г., во время развода французской гвардии во дворе Шёнбронна (Австрия), когда некто Фридрих Штапс с ножом в руке был вовремя замечен генералом Жаном Раппом и схвачен им. Об этом покушении известно многим по упоминанию в книге Е. Тарле.

О втором покушении известно далеко не всем. О нем сообщает в одной из своих депеш российский посол во Франции князь А. Б. Куракин в марте 1811 г. министру иностранных дел графу Н. П. Румянцеву. В депеше Куракина говорится о том, что злоумышленник был задержан, после расследования дела судим военным судом, и по приговору расстрелян. Именно этому обстоятельству тогда в Париже приписывали озабоченный вид и дурное настроение Наполеона, несмотря немалое удовлетворение, каковое должно было вызвать у него рождение Римского короля.

На самом деле российский посол ошибся, и покушавшийся не был расстрелян. Он дважды побывал во французской тюрьме и умер своей смертью.

Некоторым обстоятельствам этого события и посвящено сообщение, подготовленное к сессии.

Л. А. Герд

МИД против Синода: полемика по вопросу реформ в Константинопольском патриархате (1859–1860 гг.)

Период реформ в Османской империи в середине XIX в. затронул все сферы административного устройства Турции, в том числе систему миллетов. После издания хатт-и-хумаюна 1856 г. состоялся созыв Церковно-народного собрания, которому было поручено разработать новый церковный устав. Депутаты собрания, происходящие из разных областей империи, в течение почти двух лет занимались разработкой нового церковного устава, который предусматривал участие мирян в церковных делах, контроль над финансами патриархии, прозрачность отчетов, подвижность состава патриаршего синода и более демократичный порядок избрания патриарха. Наряду с очевидно положительными чертами нового устава, он ослаблял позиции церкви в империи; особенные возражения вызвали вопросы контроля над доходами митрополий и патриархии и перспектива назначения жалования духовенству. Реформы в Константинопольской церкви вызвали напряженные дебаты в русском правительстве, приведшие к конфронтации МИД и поддерживавшего его позицию Александра II с одной стороны, и Св. Синода в лице обер-прокурора А.П. Толстого и митрополита Филарета Дроздова с другой. Документы архива Св. Синода, хранящиеся в РГИА, позволяют детально исследовать эту полемику и влияние, которое оказывала Россия через свое посольство в Константинополе на дела патриархата в период реформы.

С. К. Лебедев

Железнодорожные проекты Российской империи в Китае и Персии
в конце XIX - начале XX в.: государственное и частное

В 1918 г. чиновники Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов представили руководству Народного комиссариата финансов памятную записку о наиболее крупных делах ведомства в Азии. К таковым были отнесены в первую очередь шедшие с начала 1890-х гг. проекты Китайской Восточной (КВЖД) и Трансперсидской железных дорог. Для Российской империи магистрали в Маньчжурии в первом случае и до юга Персии, с соединением с железнодорожной сетью Британской Индии представлялись важнейшими геополитическими и геоэкономическими задачами.

В литературе, в основном, считается, что экономическая экспансия России в Северо-Восточной Азии с опорой на КВЖД финансировалась государством с участием французского и германского капиталов при посредничестве Русско-Китайского (с 1910 г. Русско-Азиатского/Р-АБ) банка. В Персии Российская империя поначалу намеревалась «пойти маньчжурским путём», но вскоре дело было передано Учёто-Ссудному банку Персии, являвшемуся специальным отделом Государственного банка. Вообще, из-за острой конкуренции на Среднем Востоке, наиболее сильные игроки — Российская и Британская империи — предпочли здесь этатизм частному началу.

Этот тезис, по крайней мере, применительно к железнодорожным проектам в Персии, может быть уточнён, если не пересмотрен. Корреспонденция банкиров (1890-1910-х гг.), документы членов правления и отчёты ведущих инженеров дополняют известные сведения (мы уже обращались к неосуществленному проекту займа 1890 г. для изыскания и строительства Трансперсидской железной дороги во Франции, на волне «эмиссий Вышнеградского»). На новом этапе (в 1910-х гг.) важную роль практического посредника между русской, французской и британской группой крупнейших частных финансовых учреждений сыграл директор Парижского отделения Русско-Азиатского

банка Н. Л. Рафалович, племянник и зять агента Министерства финансов России в Париже А. Г. Рафаловича. (Письма Н. Л. Рафаловича находятся в разных архивах — фонд Парижского филиала Р-АБ не сохранился). На пути Трансперсидского железнодорожного проекта вплоть до англо-русского соглашения 1907 г. в Британии стояли опасения быстрой доставки русских войск в пределы Индии. В России больше опасались прилива в страну британских и индийских товаров. Н. Л. Рафалович в 1912 г., как ему казалось, обошёл сложности, собрав «только консорциум», на который можно было перенести часть переговоров, с согласия правительства России. Консорциум — эта наднациональная финансовая структура, которая (и только она) могла идти на известные уступки в сношениях с правительством Персии и другими политическими контрагентами. А сами «банки тут ни при чём», как замечал Рафалович. Инструментом высокоорганизованного финансового космополитизма стало распространившееся в 1910-х гг. объединение капиталов в форме международного «Общества изучения» (Société des Etudes). Для Трансперсидского транспортного проекта — с участием представителей французских, русских, английских банков, объединённых в «национальные» группы. Даже германский Дойче банк накануне Первой мировой войны (из враждебного политического блока), по признанию его директора Артура фон Гвиннера, также оказался заинтересован в Трансперсидском деле, возглавляя Берлин-Багдадский транспортный проект. Сами же инициаторы Трансперсидского железнодорожного проекта 1890 г. были связаны с экспансиею России и на Дальнем Востоке: А. И. Звегинцов был начальником экспедиции 1898-1899 гг. для исследования Северной Кореи, а барон Н. А. Корф помогал ему в обработке полученных материалов.

В «железнодорожном империализме» конца XIX – начала XX в. переплетались государственное и частное начало. Последнее было представлено международными финансовыми группами, интересы которых простирались шире имперских амбиций держав.

**Тема: Российская империя: структуры государства,
социум и экономика**

М. М. Сафонов

Екатерина II и ее «Записки»

Сопоставляя две редакции «Записок» императрицы Екатерины II, первую, написанную в начале 1770 г., и вторую, составленную двадцать лет спустя, с документами, к появлению которых мемуаристка не приложила руку, автор статьи выявляет целую цепь секретных действий, в мемуарах не упомянутых. Все эти действия великой княжны, а потом княгини, руководимой ее матерью герцогиней Иоганной Елизаветой Ангальт-Цербстской, были направлены на то, чтобы в конечном итоге овладеть российским престолом, о чем четырнадцатилетняя немецкая девочка стала мечтать буквально с первого шага на российскую землю. Эти скрытые от посторонних глаз акции, нераспознанные многочисленными биографами императрицы, но выявленные автором статьи, являются ярчайшей характеристикой Екатерины II, для которой власть как таковая была альфой и омегой ее жизни.

В. В. Лапин

Александр Ираклиевич Багратиони — лидер грузинского национального
сопротивления

В фокусе внимания — вопрос о формах и лидерах сопротивления народов, вошедших в состав Российской империи. Предмет исследования - судьба Александра Ираклиевича Багратиони (1770-1844), до конца своих дней оставшегося верным идее

восстановления независимой Грузии. Рассматривается историческая память об этом незаурядном человеке в контексте культов Салавата Юлаева, имама Шамиля, Т. Костюшко, Л. Михелина, ставших символами борьбы за свободу народов Башкирии, Чечни и Дагестана, Польши и Финляндии.

В истории включения Грузии в состав империи Романовых доминирующим является тезис о добровольном характере этого события, об акте 1801 года как закономерном завершении двухвекового исторического процесса. Контакты Москвы с правителями грузинских царств в XVI –XVIII столетиях, Георгиевский трактат 1783 г. в исторической традиции представлены как звенья цепи, притянувшей и приковавшей Закавказье к России.

В складывании такой картины свою роль сыграла «грузинофилия». В Российской империи существовало некое ранжирование народов по «культурности», «надежности» и прочим признакам. Грузины в этом отношении безусловно соответствовали «первому рангу», признавались опорой власти на Кавказе, и упоминания о том, что они против этой власти выступали с оружием в руках, плохо укладывалось в существовавший шаблон. Власть проявляла к грузинским «смутьянам» терпимость, немыслимую в других случаях.

Все нерусские части России (Польша, Финляндия, Прибалтика, Поволжье, Урал, Сибирь, Северный Кавказ, Туркестан, Азербайджан) были включены в империю силой или угрозой ее применения. Дореволюционные историки даже не делали попыток нарисовать иную картину, довольствуясь формулой, где в разных вариантах фигурировало выполнение некой исторической миссии и (или) военно-стратегическая необходимость. В советской историографии эта формула была дополнена словами о добровольном вхождении народов в состав России и о благотворном влиянии этого процесса на их экономическое и культурное развитие (последнее не подлежит никакому сомнению). Кроме того, христиане Закавказья получили в лице империи защиту от угнетения со стороны персов и турок.

Анализ литературы и опубликованных источников неоспоримо свидетельствуют о большом значении царевича Александра, пятого сына царя Ираклия II в истории Закавказья в 1798-1829 гг. Сначала он выступал в роли одного из участников династической междуусобицы, а к 1803 году, в связи с депортацией в Россию членов грузинской царской фамилии, превратился в лидера тех сил, которые боролись за восстановление грузинской государственности.

Российские генералы и чиновники увещевали его, грозили ему, организовывали его поимку, пытались лишить его жизни, вырабатывали способы противодействовать его агитации. Непокорный сын Ираклия вел сложную игру, в которой довольно четко прослеживается стремление повысить значимость своей персоны за счет демонстрации внимания, какое уделяли ему «главноначальствующие» в Тифлисе.

В письмах А.П. Ермолова, получившего неофициальный титул «покорителя Кавказа», неоднократно упоминается царевич. Тональность и словарь позволяют говорить о личной ненависти генерала к нему. Ермолов фактически признавал, что даже спустя четверть века после присоединения Грузии к России, единственный из прямых потомков грузинских царей по-прежнему в состоянии организовать масштабное восстание

Война России с Турцией в 1806-1812 гг. позволила Александру формировать за границей отряд, чтобы «в нужный час» вторгнуться в Грузию. В 1810 году в Стамбуле его явно рассматривали как политическую фигуру, поскольку его имя стоит в одном списке кавказских владетелей, призываемых султаном на борьбу с Россией (Дербентский, Ширванский, Казикумухский, Карабагский, Бакинский, Каракайтагский ханы).

Он сыграл особо важную роль во время русско-персидской войны 1804-1813 гг. Его отряд отрезал от снабжения войска, осаждавшие крепость Эривань. Эта неудача русской армии привела к затягиванию войны. Вплоть до побед России над Турцией в 1829 г. и над Персией в 1827 г., которые покончили с претензиями этих двух держав на

доминирование в Закавказье царевич Александр представлял собой угрозу российским интересам в этом регионе.

Несмотря на харизматичность и заметное место в событиях конца XVIII - первой четверти XIX вв. образ мятежного царевича не превратился в культовую фигуру, подобно образам Салавата Юлаева, имама Шамиля, Т. Костюшко, Л. Михелина, ставших символами борьбы за свободу народов Башкирии, Чечни и Дагестана, Польши и Финляндии. Это объясняется целым рядом факторов. На первом месте – особое внимание к истории Грузинской Демократической республики 1918-1921 гг. и ряд «неудобных» моментов деятельности Александра Ираклиевича (опора на Персию, привлечение отрядов дагестанцев и т.д.). Лозунги остальных вышеперечисленных лидеров сохранили актуальность в глазах нескольких поколений поляков, башкир, горцев и финляндцев, тогда как идея восстановления грузинской монархии образца XVIII века не имеет сторонников.

Б. П. Миловидов

Структура и функции высших органов власти в эпоху 1812 г.

После отставки М. М. Сперанского, накануне войны с Наполеоном 1812 г., в структуре и функциях высших органов власти произошли серьезные изменения. Предпринятые в условиях чрезвычайных обстоятельств военного времени, эти изменения означали частичный отказ от реформ, предложенных Сперанским в области государственного управления, можно говорить о своеобразной контрреформе. В условиях предполагавшегося отсутствия императора в столице были расширены полномочия Комитета министров, как органа, координирующего деятельность министров и в неотложных обстоятельствах имеющего право действовать от имени императора. Одновременно снижается роль Государственного совета, в т. ч. и в отношении снабжения армии. Деятельность Департамента военных дел Государственного совета практически с середины 1812 г. замирает.

Одним из важных элементов системы организации власти становится вновь образованный после отставки Сперанского Секретный комитет финансов, рескрипт о его создании обнаружен нами в архиве СПБИИ РАН. Программа деятельности этого комитета содержала критику финансовых реформ Сперанского и означала отказ от них. Этот орган координировал решения, касающиеся важнейших вопросов денежного обращения, кредитов и формирования бюджета. Эта модель управления восходит к 1806-1807 гг., когда также были расширены полномочия Комитета министров и создавался Секретный комитет финансов.

Одновременно большое значение приобрела в 1812 г. и Собственная е. и. в. канцелярия, как орган, обеспечивающий связь императора с высшими и центральными органами управления и с армией. Во главе ее становится А. А. Аракчеев, прежде возглавлявший Департамент военных дел Госсовета.

Часть этих изменений закрепилась и после окончания Наполеоновских войн. Сохранилась роль Комитета министров, как органа, координирующего работу министерств, не предполагавшаяся в планах Сперанского. Тем не менее, по пути дальнейшего усиления роли Комитета министров, Александр I не пошел. Секретный Комитет финансов был ликвидирован в 1816 г., но через несколько лет восстановлен. Роль Собственной его императорского величества канцелярии до середины XIX в. продолжала оставаться высокой, ее функции во второй четверти столетия расширялись и дифференцировались.

T. V. Андреева

М. М. Сперанский и «Земля Санникова»: Полярная экспедиция 1820-1824 гг.

В первой четверти XIX в. было положено начало новой эпохе российских полярных исследований. Выход Российской империи на просторы Мирового океана, ее возросшее державное могущество и международное влияние, а также экономические интересы требовали решения важнейшей государственной задачи – изучение и освоение Русского Севера, прежде всего, островов Ледовитого океана и арктических территорий Сибири. В рамках правительственной программы ее реализации находилась Полярная экспедиция 1820-1824 гг. под эгидой Морского министерства и руководством М. М. Сперанского, разрабатывавшего, как идеологию, так и практику ее подготовки и проведения, контролировавшего процесс реализации по возвращению в Петербург в марте 1821 г.

Полярная экспедиция, состоявшая из двух внутренних, независимых друг от друга, экспедиций лейтенантов флота и будущих адмиралов Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу, имела геополитические, географические, экономические и научные цели. Во-первых, она была направлена на укрепление позиций Российской империи в Сибирской Арктике, расширение ее границ путем выявления и освоения новых территорий на северо-востоке Сибири, прежде всего, островов в Ледовитом океане. Во-вторых, экспедиция должна была продолжить отечественные географические изыскания и научные открытия XVII – XVIII вв., развить результаты «Великой Северной экспедиции» 1733-1743 гг. Витуса Беринга и арктических путешествий начала XIX в. В рамках данной цели особое значение имело окончательное решение двух вопросов – «северного прохода» из Тихий в Северный Ледовитый океан и существования перешейка между Азией и Америкой («материки или гряды островов», как писал Сперанский в Инструкции Врангелю и Анжу). Гипотеза о неизвестной земле, якобы соединяющей азиатский и американский материки, идущая еще с XVII в. и являвшаяся научной целью экспедиции Беринга, была вновь актуализирована в начале XIX в. открытиями Якова Санникова в «Ледовитом море» ранее неизвестных островов (Столбового, Фаддеевского) и гряды островов «Новая Сибирь». В силу этого решение данного вопроса определялось важной, хотя и подчиненной, целью Полярной экспедиции. В-третьих, члены экспедиции – моряки (мичманы и штурманские помощники), геодезисты, «натуралисты» должны были производить картографирование и описание вновь найденных земель и островов в Ледовитом океане с указанием наличия полезных ископаемых, проводить физические и метеорологические исследования.

И хотя надежды на открытие большой («матерой») земли в Ледовитом океане не оправдались, но Полярная экспедиция имела важное географическое, научное и экономическое значение, поскольку были не только выявлены, изучены, описаны, картографированы большие острова, пригодные для звериного, рыбного промысла и изобилующие природными ископаемыми, но и произведены метеорологические, физические (магнитная съемка) и естественно-научные наблюдения. Изысканиями экспедиции были подтверждены теоретические выводы М. В. Ломоносова о существовании «Великой Северной полыни», т.е. незамерзающего моря, и наличии северного морского прохода, т.е. «беспрерывного соединения» Ледовитого океана с Тихим и Атлантическим.

В целом, Полярная экспедиция 1820 – 1824 гг., проходившая под руководством Сперанского, являясь важнейшей составной частью правительственной программы по освоению Русского Севера, способствовала укреплению российской государственности, утверждению владений Российской империи на новых территориях и развитию торгового и военного мореплавания в Ледовитом и северной части Тихого океанов.

П. В. Ильин

«Записная книжка» П.Х. Граббе: к изучению взглядов участников политического движения 1810-х – 1820-х гг. в царствования Николая I и Александра II

Павел Христофорович Граббе (1789–1875) – крупный военный деятель и администратор, член Государственного совета (1866), видный участник политического движения оппозиционного характера в царствование Александра I, вел дневник (названный им «Записной книжкой») на протяжении более чем 60 лет. Значительная часть дневниковых записей была опубликована на страницах журнала «Русский архив» П.И. Бартеневым в 1888–1889 гг. Дневник, до сих пор не имеющий научнойcommentированной публикации, никогда не ставился в контекст декабристского опыта его автора – одного из руководящих членов «Союза благоденствия» и тайного общества, образовавшегося на Московском съезде 1821 г. Близкий к таким его деятелям, как М.А. Фонвизин, И.Д. Якушкин, М.Н. Муравьев, входивший в определенное время в «центральное ядро» декабристского движения, П.Х. Граббе в 1826 г. избежал суда, но был подвергнут административному крепостному заключению. Дневниковые записи позволяют проанализировать основные составляющие политического мировоззрения бывшего деятеля декабристских обществ в царствование Николая I, в том числе его отношение к самодержавному строю и к вопросу об освобождении крепостных крестьян, эволюцию взглядов сторонника политических перемен и конституционного строя в условиях господства консервативно-охранительной идеологии николаевской эпохи. Переворот в общественной атмосфере, произошедший в начале нового царствования Александра II, принес с собой радикальную смену оценок в дневниковых записях П.Х. Граббе. Источник отразил синхронные эпохе высказывания, передающие коренное изменение «системы координат» как в характеристике ушедшей консервативной идеологии 1826–1856 гг., так и в отношении к собственному прошлому, связанному с участием в декабристском движении. Дистанцируясь от радикальных планов и действий деятелей движения (включая, в первую очередь, события 1825 г.), П.Х. Граббе солидаризируется с основополагающими идеями «передовых людей» 1820-х гг., высоко оценивая «ядро» декабристской программы, нацеленное на совершенствование государственного и социального строя, а также подчеркивает высокие личные качества и способности к государственной деятельности бывших товарищей по движению 1810-х–1820-х гг. Исследование содержательной стороны «Записных книжек» П.Х. Граббе в контексте декабристского прошлого их автора предпринято впервые.

А. П. Лаврина

П. А. Плетнев: Проблемы управления и преподавания в Санкт-Петербургском университете в 1840-1850-е гг.

В рамках академического года были исследованы и проанализированы вопросы, связанные с управлением высшей школой Российской империи в 1830–1860-е гг. на примере развития столичного (Петербургского университета) и окраинного (Гельсингфорсского, Александровского университета). Ключевым предметом изучения стала деловая переписка как способ управления и коммуникации университетской администрации и высшей бюрократии.

Исследование выстраивалось на основе архивных делопроизводственных источников Департамента Министерства народного просвещения (РГИА), фондах Петербургского университета и Педагогического института (ЦГИА), личных фондах профессоров, преподавателей словесности. Материалы личных фондов составляют документов фондов П.А. Плетнева (РО ИРЛИ РАН Ф.234), А.В. Никитенко (РО ИРЛИ РАН Ф.205), Я.К. Грота (СПбФ АРАН Ф. 137). Методологическая рамка исследования охватывает несколько подходов. Основные направления исследовательской работы

сосредоточены в области истории и антропологии власти, анализирующие институциональные практики управления и механизмы функционирования государственных учреждений. Исследование охватывает проблематику институциональной и социальной истории, фокусируясь на эволюции организационных структур и социальных процессов. Применение подходов микроистории и интеллектуальной истории, позволяет реконструировать локальные исторические контексты и проследить трансформацию практик.

Удалось выявить, как именно осуществлялось управление в столичном (Петербургском университете), какие формальные и неформальные практики властевования были использованы. Деловая коммуникация ректора столичного университета велась как с представителями высшей бюрократии, чиновниками от Министерства народного просвещения (министром, товарищем министра, попечителем, помощником попечителя), так и представителями иных министерских учреждений и институций, в том числе с администраторами университетов Российской империи.

Я. А. Васильев
Антикоррупционная составляющая в положениях о городских общественных банках
Российской империи 1862 г. и 1883 г.

Первое разработанное правительством Положение о городских общественных банках 1857 г. (ранее они работали по оригинальным уставам) совершенно не устроило городское население. Оно привлекло внимание современников и исследователей отсутствием механизмов защиты от возможных злоупотреблений банковского руководства и органов местного самоуправления. Самым серьезным из таких просчетов можно считать возможность совмещения должностей директора банка и городского головы (ст. 2, прим. 1), а так же назначения директором банка лица «из купеческого звания», которое «содействовало» значительными пожертвованиями учреждению банка (ст. 2, прим. 2).

Следующим этапом в развитии системы городских общественных банков стала разработка нового Положения об этих кредитных учреждениях, которое было введено в действие в 1862 г. Правительством была сделана попытка не только исправить некоторые упущения и недочеты предыдущей редакции Положения 1857 г., но и снять определенные препятствия в развитии операций этих банков.

Статья 2 нового Положения, подчеркнувшая формальную независимость банков от государственных органов, тем не менее, поставила их в зависимость органов муниципальных, в данном случае – от городского головы и городской думы. Должность директора банка и его «товарища» (заместителя) по ст. 5 Положения о городских банках была несовместима с постом городского головы, члена городской управы, гласного (депутата) и секретаря городской думы, а также служащих в органах городского управления и в других государственных или частных кредитных учреждениях. Тем не менее, как городская дума, так и управа могли оказывать на банк значительное давление или через своих гласных или служащих, которые могли входить в штат работников банка, или путем оценки деятельности руководства банка, назначения внезапных ревизий, перевыборов правления банка.

На деле ситуация складывалась противоположным образом, так как гласные думы состояли, как правило, постоянными клиентами банка и их предпринимательская деятельность и благополучие, зачастую, целиком зависело от руководства банка. Особенно часто такая возможность складывалась до введения в банках в 1879 г. учетных комитетов, определявших кредитоспособность клиентов. С другой стороны и сам учетный комитет выбирался думой. Но гласные городских дум, избиравшие членов учетных комитетов, не питали особых иллюзий относительно порядка ведения дел в новом контролльном органе. Гласные считали его излишним довеском к банковскому

руководству, полностью от него зависимому. Действительно, и до введения нового Положения 1883 г. и после этого правительственные ревизии постоянно выявляли случаи нарушения учетными комитетами условий осуществления оценки векселей по их благонадежности.

Ст. 2 позволяла правительству не брать на себя ответственность за результаты деятельности городских банков и сколь угодно долго не вмешиваться в их работу. С одной стороны, это подчеркивало относительную финансовую независимость городских и земских органов управления.

Положение 1862 г., так же оказалось несовершенным, что вызвало создание нового Положения 1883 г., в котором особо подчеркивалась роль Министерства финансов и Министерства внутренних дел, как органов независимого и высшего финансово-юридического контроля за деятельностью городских банков. До 1883 г. эти министерства лишь получали от банков отчеты. Теперь они оставляли за собой право производить ревизию в любое время по своему усмотрению и даже без ходатайства городской думы (ст. 31).

Ряд статей нового Положения 1883 г. подтвердил невозможность совместной работы в банке родственников (ст. 6 и 7) и должностных лиц (ст. 5 и 6). Права жертвователей вмешиваться в работу банка были ликвидированы, и они остались лишь почетной, чисто номинальной фигурой (ст. 8). Упорядочивалась отчетность городских банков и окончательно определялись его взаимоотношения с вышестоящими органами – городскими думами, городскими управами, Министерством финансов и Министерством внутренних дел. Новая редакция Положения о городских банках практически исключила возможность руководству банков действовать бесконтрольно и безнаказанно даже при попустительстве городской думы.

В конце XIX – начале XX века правительственные ревизии проводились уже не столько по ходатайствам с мест, сколько по материалам анализа их ежегодных отчетов, что позволяло выявлять устойчивые негативные тенденции в их работе, (например, в случае с назначением ревизии в Новгородском, Белозерском и других городских банках в 1903 г.), что соответствовало ст. 31 Положения 1883 г.

Однако и Положение 1883 г. оказалось несовершенным. Многие пункты дублировали контроль за деятельностью банка и его руководства, однако некоторые статьи продолжали иметь силу только на бумаге. Это объяснялось двойственным характером деятельности городских банков, которые по своему назначению должны были сочетать благотворительные методы работы и одновременно не забывать о развитии собственных операций, что было невозможно без получения коммерческой выгоды. Правительство постоянно работало над его улучшением, вводя новые статьи дополнения. В 1912 г. вышло новое Положение о городских общественных банках, в котором постарались учесть прежний опыт и ликвидировать недочеты. Впрочем, оно не успело проявиться в полной мере из-за начавшейся I мировой войны.

Таким образом, правительство, благосклонно относясь в 1860-х гг. к любому виду предпринимательской деятельности, действительно предоставило городским обществам и подконтрольным им банкам большую свободу финансового творчества практически в любой сфере известных банковских операций. Однако это со временем потребовало и ужесточения мер контроля за их деятельностью и создания определенного антикоррупционного механизма

С. К. Лебедев
Парижское отделение Русско-Китайского банка: трудное начало

Мы возвращаемся к занятиям высокоорганизованными формами предпринимательства в лице С.-Петербургского Международного коммерческого банка (ПМКБ) и его напарника – Русско-Китайского банка (РКБ). Эта группа в конце XIX –

начале XX в. стала важнейшим инструментом международных финансовых связей правительства империи и каналом привлечения иностранных капиталов в частные предприятия России, но, прежде всего, в сферу государственного кредита и железнодорожное строительство на территории России, а также Китая (Китайская Восточная железная дорога (КВЖД)). Главным резервуаром кредитных ресурсов для Российской империи, обратившейся вслед за собственной индустриализацией к финансированию экономической экспансии в Северо-Восточной Азии оставался денежный рынок Франции, поддержанию своего положения на котором министр финансов России С. Ю. Витте придавал первостепенное значение. А. Ротштейну, директору ПМКБ и РКБ, было крайне важно закрепиться в Париже не путём корреспондентских отношений с дружественными институтами (что уже было сделано к началу 1890-х гг.), но утвердить там своё собственное агентство для получения сведений о состоянии конъюнктуры и укрепления личных контактов среди финансистов и политиков Франции, а также привлечения депозитов состоятельных русских подданных, проживавших в Париже.

И если Морис Верстрат, хорошо осведомлённый французский дипломат и банкир, считал сеть отделений РКБ в Китае не иначе как дальневосточным крылом ПМКБ, то активность его «западного крыла», филиала РКБ в Париже практически неизвестна. В Российском государственном историческом архиве, в фонде правления РКБ в С.-Петербурге, сохранилась небольшая часть бухгалтерии, в основном, связанная с внутренним расследованием убытков банка в пору кризиса 1900-1902 гг., когда РКБ и ПМКБ оказались на грани краха. Но основным источником сведений не только о взаимоотношениях РКБ в Париже со своим правлением стал массив корреспонденции директоров РКБ П. Ристельюбера, И. Радина и членов его правления в Париже, Э. Нёцлина и Р. Оттингера (Готтингера), а также А. Ротштейна и С.Ю. Витте. Управляющие парижским филиалом РКБ налаживали прямые финансовые связи с банками и торговыми домами в Шанхае и Лионе (главными центрами отгрузки и получения шёлка для Западной Европы). Это была пора развития в мире международных банков со смешанным капиталом. Так директор одного из ведущих учреждений такого типа – Парижско-Нидерландского банка Э. Нёцлин, кроме членства в правлении РКБ, возглавлял главный банк Мексики, добиваясь заказов машиностроительным заводам Франции, в том числе – поставки локомотивов для строившейся КВЖД. Директор РКБ в Париже Радин выезжал в Москву и вел переговоры там с крупнейшими купеческими домами и банкирами, представлявшими также экспортные торговые фирмы Юга России.

Анализ клиентуры парижского филиала РКБ позволяет утверждать, что этот банк, созданный для финансирования предприятий в зоне КВЖД, с самого начала привлекал кредитные ресурсы для Петербурга, Москвы и русской провинции, хотя в литературе сложилось представление, что это произошло после Русско-Японской войны, когда РКБ стал широко развивать сети отделений в Сибири и Средней Азии. Переписка членов правления и подробные отчёты директоров парижского отделения РКБ в Петербург дают новые материалы для понимания роли этой структуры в связях группы ПМКБ-РКБ с крупнейшими банками Германии, Австро-Венгрии, Италии во время «индустриализации Витте», в частности для противодействия западноевропейской критике приливу иностранных капиталов в экономику России в этот период.

С. В. Куликов

Об отражении одной беседы С.Ю. Витте и П.Н. Милюкова в эмигрантских мемуарах последнего

После издания Манифеста 17 октября 1905 г., в конце октября или начале ноября, по приглашению С.Ю. Витте у него побывал фактический глава Кадетской партии П.Н. Милюков, который заявил, что «всякое благоразумное правительство, решившись раз

навсегда дать конституцию», поступило бы лучше всего, если бы «прямо и открыто сказали это и немедленно октроировали хартию, достаточно либеральную, чтобы удовлетворить широкие круги общества». Как на образец такой хартии Милюков указал на Болгарскую конституцию или «на какую-нибудь другую разновидность Бельгийской, но со всеобщим избирательным правом», а также – на проект Основного закона, составленный под руководством С.А. Муромцева. Этот проект был опубликован в газете «Русские ведомости» 6 июля 1905 г. и одобрен Общероссийским съездом земских и городских деятелей, который проходил в Москве 6–8 июля того же года.

Возражая П. Н. Милюкову, С. Ю. Витте сказал, что «общество уже не удовлетворится конституцией, данной сверху». Кадетский лидер ответил, что «общество не удовлетворится октроированной конституцией», поскольку оно «не верит в возможность получить от бюрократии такую либеральную конституцию, как Болгарская». Милюков, по его признанию, умолчал, что «некоторая часть общества», прежде всего – кадеты, не примет октроированной конституции по принципу – как исходящей от монархического, а не от народного суверенитета, т.е. от Учредительного собрания.

Второй аргумент С. Ю. Витте заключался в том, что «народ не захочет конституции». Если во всеподданнейшем докладе от 17 октября, парировал П. Н. Милюков и этот аргумент, граф назвал конституцию «правовым порядком» и если народ «так привык ко власти царя», то «гораздо скорее народ примирится с конституцией, данной властью царя, чем с хартией, какую издаст Дума». Оппозиционный политик говорил Витте, что при современном внутриполитическом кризисе было бы «величайшим риском» вести Россию к нормальному положению путем тройных выборов: в неправильную Думу, которая составит правильный избирательный закон, потом – в Учредительное собрание, собранное на основании этого закона, и наконец уже – в законодательное собрание на основании хартии, принятой Учредительным собранием. Милюков полагал, что, «при недоверии общества к октроированной хартии, всего лучше сократить путь прямым созывом Учредительного собрания, как и требует того русское общество». Следовательно, в конечном итоге лидер кадетов посоветовал то же самое, что требовали его однопартийцы от графа 19 октября, и реакция Витте на это была вполне естественная: он «воздержался от ответа»². Таково содержание разговора с премьером, опубликованное Милюковым в конце декабря 1905 г.

В 1921 г. политик-эмигрант дал иную версию примечательного разговора, которая полностью противоречит его первоначальной версии. Согласно эмигрантской версии, в конце, а не в начале разговора П. Н. Милюков призвал С. Ю. Витте, если его полномочия «достаточны», произнести слово «конституция», после чего и рекомендовал «сегодня» повелеть «кому-нибудь» перевести на русский язык Бельгийскую или, «еще лучше», Болгарскую конституцию, «завтра» – поднести ее царю на подпись, а послезавтра – опубликовать. На столь экстравагантную рекомендацию граф якобы ответил: «Я этого не могу, я не могу говорить о конституции, потому что царь этого не хочет». «Тогда, — заметил Милюков, — нам не о чем разговаривать, и я не могу подать вам никакого дельного совета»³. Вряд ли случайно Милюков не уточнил, чего именно не хотел Николай II – октроирования конституции как таковой или употребления слова «конституция».

Впрочем, на содержании того, что, в изложении П. Н. Милюкова, говорил ему С. Ю. Витте, могли отразиться своеобразные представления последнего о русской конституции. Именно в начале ноября граф объявил И. И. Колышко: «У нас нет конституции, вы все путаете», а на вопрос журналиста: «Что же у нас?» изрек: «Для блага России его величество даровал реформу. Для блага же ее может и отнять ее». Однако в данном случае премьер обозначил свою точку зрения – и не более того.

² См.: Милюков П.Н. Политика гр. Витте (Письмо в «Correspondance Russe») // Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905–1906. СПб., 1907. С. 183–184.

³ Милюков П.Н. Три попытки (К истории русского лжеконституционализма) // Самодержавие и либералы в революцию 1905–1907 гг. М.; Л., 1925. С. 54–55.

В позднейших воспоминаниях П. Н. Милюков как бы проговорился, поскольку сообщил, что на его просьбу: «Произнесите слово “конституция”» С.Ю. Витте сказал: «Царь этого не хочет»⁴. Согласно мемуарам 1939 г., на вопрос Милюкова: «Если ваши полномочия достаточны, отчего вы не произнесете это решающее слово: конституция?» Витте ответил: «Не могу, потому что царь этого не хочет»⁵. Даже если Милюков-мемуарист писал правду (а это вызывает сомнения), тот факт, что Николай II был против употребления слова «конституция», не означает того, что он являлся противником конституции как таковой.

Главной причиной отказа царя от официального употребления слова «конституция» было то, что левые партии, начиная с Кадетской, противопоставляли понятия «конституция» и «самодержавие», утверждая, что дарование конституции упраздняет самодержавие. Вскоре после издания Манифеста 17 октября Николай II говорил могилевскому губернатору Н.М. Клингенбергу, что «понимает Манифест 17 октября и конституцию совсем иначе, как здесь их понимают».

Более того, в конце ноября С.Ю. Витте открыто и официально произнес-таки слово «конституция», сделав это, давая большое интервью Э. Диллону, петербургскому корреспонденту «Daily Telegraph». Во время интервью граф заявил, что «Императорское правительство являлось представителем порядка и конституционной свободы», а потому «Его Величество» издал Манифест 17 октября, который «ввел конституционные принципы в управление Империей»⁶. Перевод интервью был опубликован в официальном «Правительственном вестнике», т.е. с ведома Николая II, но данное обстоятельство не привело к изменению антиправительственной позиции П. Н. Милюкова и Кадетской партии в целом. Это означало, что Милюков, вопреки своим эмигрантским воспоминаниям, являлся противником даже самой либеральной конституции, если только она будет октроирована монархом, а не принята Учредительным собранием.

M. В. Друзин

Князь С. С. Абамелек-Лазарев и его записки о необходимых мерах к подавлению
революционного движения в России в 1905–1907 гг.

В фонде князей Абамелек-Лазаревых в Российском государственном архиве древних актов хранится несколько записок князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева периода 1905–1907 гг. Записки эти посвящены политическому устройству России, революционному движению и мерам, способным последнее прекратить. Казалось бы, они характеризуют политические взгляды князя, однако нет ни одного научного исследования о нем как о политическом деятеле. Мы знаем его как крупнейшего собственника и горнопромышленника, предпринимателя и мецената, но не политика. И это неудивительно: за единичными исключениями мы не найдем даже упоминания Абамелек-Лазарева в дневниках, воспоминаниях политических деятелей начала XX в. и документах политических партий и движений. Более того, если посмотреть историографию, то окажется, что в целом мы даже не представляем, что это был за человек. Все его характеристики основаны на успешности его научной, предпринимательской и горнопромышленной деятельности, а так же на основе многочисленных опубликованных им самим его исследований в самых разных областях – от Пальмирского камня до роли России в Русско-японской и Первой мировой войнах.

В книге Е. Г. Неклюдова и Е. Г. Поповой-Яцкевич «Род Лазаревых» (Екатеринбург, 2014) указывается, что Семен Семенович в 1909 г. участвовал во Всероссийском национальном клубе — умеренно-правой партии, правда, без ссылки на источник. Д. И.

⁴ Милюков П.Н. Либерализм, радикализм и революция (По поводу критики В.А. Маклакова) // Современные записки. 1935. Т. 57. С. 312.

⁵ Милюков П.Н. Роковые годы // Русские записки. 1939. Т. 14. С. 131.

⁶ Лондон, 30-го ноября (СПА) // Правительственный вестник. 1905. № 261 (3 декабря). С. 4.

Стогов лишь упоминает имя С. С. Абамелек-Лазарева как посетителя правомонархического салона Б. В. Штюромера. Наконец, К. Н. Курков отмечает, что князь участвовал с правом совещательного голоса в Съезде уполномоченных Дворянских собраний в мае 1906 г., а также указывает на хранящиеся в фонде князя тексты программных положений съезда московского «Кружка дворян» от 22–25 апреля 1906 г., в том числе чистый бланк анкеты-заявления для вступления в члены «Кружка». Подчеркнем, ни в одной политической организации какого бы то ни было толка князь С. С. Абамелек-Лазарев официально не состоял. Он мог симпатизировать тем или иным партиям и движениям, но делал это всегда исключительно негласно — его громкое имя не должно было нигде звучать. Вместе с тем, в дневнике известного монархиста, члена «Русского Собрания» Б. В. Никольского можно обнаружить запись о намерениях князя в 1905 г. внедрить Б. В. Никольского в окружение министра внутренних дел А. Г. Булыгина, дабы влиять на него в известном смысле. В это время князь всячески покровительствует Б. В. Никольскому. Все сказанное свидетельствует, как минимум, о правых взглядах Семена Семеновича.

Все точки над *i* расставляют его записки, с которых мы начали. Первая, самая объемная, была составлена в промежутке между 6 июня и 6 августа 1905 г. Она была подана императору через его флигель-адъютанта графа А. Ф. Гейдена, готовилась в большой спешке и секретности. Кратко характеризуя этот машинописный 70-страничный документ, отметим, что князь предостерегал императора от потворства революционному движению, от введения различных гражданских свобод и учреждения слишком либеральной Государственной Думы. Даже Булыгинский вариант представлялся ему недопустимым.

Вторая записка (3 машинописных листа) вышла из-под руки князя в середине августа 1906 г. Это, пожалуй, самый страшный по своему содержанию документ. То, что предлагал в записке князь, в 1930-е гг. реализовали представители противоположного ему политического лагеря. Очевидно, князем овладел настоящий страх за неприкосновенность его собственности — деятельность Первой Государственной думы шокировала его. Почти год спустя граф И. И. Толстой зафиксировал в своем дневнике впечатление от встречи с С. С. Абамелек-Лазаревым: «было вполне ясно, что он страшно напуган и что он питает довольно мало надежды на благоприятный для крупных собственников исход несомненно совершающейся эволюции политической и экономическо-социальной жизни России. Единственное, на что А[бамелек] возлагает, по-видимому, надежды — это на торжество абсолютизма, которое одно может, по его мнению, оградить «священные права» собственности» (26 мая 1907 г.). В августовской записке 1906 г. князь поддерживал военно-полевые суды, которые вводил П. А. Столыпин, более того, он предлагал объявлять революционеров и террористов вне закона, «т. е. всякий будет волен убить его на месте преступления или при сопротивлении задержанию». На время смуты все свободы, данные Манифестом 17 октября, должны быть прекращены. Князь поддерживал доносы на поджигателей имений, конфискацию их земельных наделов и ссылку вместе со всем семейством на каторгу. Эта записка была разослана, без авторства (с указанием его лишь на словах), А. В. Кривошеину, В. И. Гурко, А. П. Извольскому, А. А. Галлу, Д. Ф. Трепову, А. Ф. Гейдену, А. П. Игнатьеву, С. С. Бехтееву, А. И. Зыбину.

Наконец, третья записка (11 машинописных листов) была составлена князем в конце июня, после разгона Второй Государственной думы. В ней Абамелек-Лазарев пытался представить меры к подавлению революции в новых условиях. Он выделил пять пунктов: 1) Меры, карающие и устрашающие террористов; 2) Меры, предупреждающие террор и массовые преступления; 3) Меры для упорядочения высшей школы; 4) Меры для улучшения состава Государственного совета; и 5) Организация огромного и планомерного переселения желающих в Азиатскую Россию. Первые два пункта содержали в себе в менее резкой форме предложения предыдущей записи. Высшую школу князь предлагал лишить дарованных им свобод, ограничить автономию, «распустить советы

университетских и институтских старост, арестовав и предав военному суду главных заправил из студентов и отчасти из профессоров и низших преподавателей». Государственный Совет должен быть обеспечен безусловным консервативным большинством, чтобы блокировать все революционные предложения нижней палаты.

Подытоживая, хочется подчеркнуть, что князь С. С. Абамелек-Лазарев не был политиком, он был прежде всего собственником и очень боялся потерять свой миллион десятин земли. Именно это чувство страха активно двигало его первом, из-под которого выходили самые чудовищные предложения. Широты его сознания хватило только на восприятие новых экономических возможностей, которые давало капиталистическое устройство общества. Общественно-политической эволюции в нем не произошло. «Встретил на Морской Семена Абамелека, с которым прошелся до Невского (глупый человек)» (Толстой И. И. Дневник. 8 декабря 1912 г.).

A. Ю. Фомин

Высшая аттестационная комиссия при Совете государственной обороны и попытка
создания системы проверки профессиональной пригодности высших начальников
российской армии

Современники событий были солидарны во мнении, что российское военное командование не лучшим образом проявило себя в ходе войны с Японией. Прежде всего это касалось высшего командного состава, оказавшегося наименее подготовленным к условиям войны начала XX в. звеном военной иерархии.

В этой связи военное ведомство осознало необходимость срочного удаления из армии несоответствующих занимаемых должностям генералов и создания механизмов, которые должны обеспечить замещение высших командных должностей «достойными» кандидатами. Таким инструментом должна была стать Высшая аттестационная комиссия, созданная в начале 1906 г. при Совете государственной обороны, который на тот момент объединял систему военного управления.

Изначально Комиссию возглавлял председатель Совета государственной обороны, а после ликвидации этого органа в 1908 г. – военный министр. В состав Комиссии, помимо председателя, входили помощник военного министра, генерал-инспекторы родов войск, начальники Генерального и Главного штабов, а также командующие военными округами. В ее компетенции находились рассмотрение кандидатов на замещение вакантных должностей, начиная с уровня начальника дивизии, а также оценка служебного соответствия занимающих должности высших военных начальников. В теории Комиссия при отборе кандидатов должна была руководствоваться исключительно профессиональными критериями, не принимая в расчет их былые заслуги, авторитет, связи и т.п.

По мысли создателей Высшей аттестационной комиссии (в первую очередь военного министра А.Ф. Редигера) в Российской армии должны были быть институционализированы меритократические принципы замещения высших командных должностей. Однако последнее слово в вопросе о назначении на высшие командные должности в армии оставалось за императором, для которого решения Высшей аттестационной комиссии носили лишь рекомендательный характер. На практике император при отборе кандидатов нередко руководствовался собственными соображениями, шедшими в разрез с меритократическими принципами, что ограничивало возможности Высшей аттестационной комиссии, затрудняло создание критериев отбора на командные должности, не позволяло в полной мере оформиться системе профессиональной аттестации высших начальников и в, конечном итоге, тормозило модернизацию военного управления.

O. A. Моисеева

Донесения российских консулов в Ускюбе по македонскому вопросу. Отражение российской политики «мягкой силы» в работе консульства в Скопие (на материалах архива внешней политики)

Македонский регион в конце XIX в. занимает значительное место во внешней политике великих держав и стран Балканского полуострова. Борьба за влияние в Македонии между греками, сербами и болгарами постоянно способствовала возникновению церковно-политических и национально-территориальных вопросов, которые решались при участии российской дипломатии.

Российская политика в рамках внешнеполитического курса «мягкой силы» и поддержания статуса-кво на Балканах активно принимала участие в вопросах, связанных с Македонией. Российскому дипломатическому корпусу было необходимо отсрочить разделение Македонии на сферы влияния и подготовить за это время почву для более выгодного ее разделения. При этом Россия традиционно защищала интересы православия на Востоке и выступала посредницей в решении церковно-национальных вопросов.

Ускюб как столица Косовского вилайета и как один из трех российских консульств в Македонии имел важное стратегическое значение для сдерживания национально-политической борьбы и для воздействия на политическую ситуацию на Балканах путем применения методов «мягкой силы», в том числе церковных связей.

Непреклонная позиция русских консулов в деле проведения определенного внешнеполитического курса России в Македонии вызывала недовольство буквально всех соперничающих там сторон. Австрийские газеты печатали материалы, порочащие русских консулов. Тем же занимались и многие болгарские газеты. Среди деятелей болгарского национального движения русские консулы слыли болгарофобами. Греки распространяли слухи о поддержке деятельности революционеров.

После 1898 г., когда ситуация в регионе начала накаляться, на место умершего консула Ф. К. Лисевича в Ускюб назначили В. Ф. Машкова, человека военного, более решительного и бескомпромиссного. Именно благодаря его деятельности в регионе удалось поднять престиж российского консульства. Обширные донесения В.Ф. Машкова изобилуют подробностями борьбы между различными национальностями (болгар, греков, сербов, румын, албанцев и турок), а также между дипломатическими представителями великих держав, обзорами на политическую обстановку и т. д. Литературно-политическая работа консула богата этнографическим и политico-историческим материалом, в ней, кроме того, содержатся личное мнение и предложения В.Ф. Машкова о необходимых реформах в Македонии.

Российский консул в Ускюбе, как и вся российская дипломатия на рубеже XIX-XX вв., проявлял необходимую гибкость при кризисных моментах в Македонии. В. Ф. Машкову удавалось, несмотря на грозящую опасность, предотвращать проблемы и разрешать межнациональные, межрелигиозные и политические вопросы. Македонский вопрос требовалось сохранить в прежнем положении и стабилизировать обстановку в регионе, российским консулам в Македонии это вполне удавалось.

Т. Н. Жуковская

ЛОИИ РАНИОН (1927–1929) как попытка сохранения «петербургской исторической школы»

Советская власть реорганизовывала существующие и открывала новые научные учреждения в 1920-х – первой половине 1930-х гг., идеологизируя и обюрокрачивая науку. Бесконечное создание нового ради ликвидации старого – излюбленный метод новой власти, это касалось и академических, и университетских научных исторических институтов.

Однако методологические особенности «петербургской исторической школы» смогли сохраниться, несмотря на реорганизации и более серьезные испытания, и были восприняты поколением историков, формировавшихся уже в советские годы. Условием этого сохранения было поддержание формальных (профессиональных) и неформальных связей между поколениями ученых. Профессиональное становление первого советского научного поколения историков в значительной мере было связано с деятельностью университетского Исторического научно-исследовательского института при Петроградском университете (ИНИИ) в 1921–1926 гг., академических структур, таких как Археографическая комиссия, Музей Палеографии, Институт книги, документа и письма, а также неформальных объединений, таких как «кружок молодых историков» и семинарий А.С. Лаппо-Данилевского. Формальные и довольно рыхлые в эти годы структуры дополнялись неформальными связями, научные коммуникации – наднаучными. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и ее Ленинградское отделение, несмотря на свое недолгое существование стали одной из таких площадок объединения научных сил и поколений.

Ленинградское отделение института истории РАНИОН, директором которого и руководителем его Русской секции был А. Е. Пресняков, а ученым секретарем марксист Я. М. Захер, воспринималось в качестве непосредственного преемника ИНИИ при ЛГУ и так же располагалось в здании университета. В состав Отделения вошли 24 действительных члена и 13 научных сотрудников I разряда. Руководство секцией всеобщей истории было возложено на Е. В. Тарле. Кроме того, в списках ЛОИИ числятся десятки внештатных сотрудников, в 1927 г. была открыта и подготовка аспирантов.

На материалах о деятельности ЛОИИ РАНИОН, сохранившихся в фонде А. Е. Преснякова в Научном архиве СПБИИ РАН (списки членов, анкеты, автобиографии, планы и отчеты о научной работе, заявления на имя директора ЛОИИ, протоколы заседаний Русской и Западноевропейской секций ЛОИИ) и научной периодики можно представить характер этого учреждения и его политику в отношении представителей «старой» исторической науки и новой научной генерации «историков-марксистов». Для данного круга ленинградских историков неизбежная эволюция научной проблематики в сторону историко-революционных и социально-экономических сюжетов сочеталась со стремлением сохранить источниковедческие и методологические традиции «петербургской исторической школы». Не случайно в составе ЛОИИ РАНИОН были объединены ее «мэтры» (Е. В. Тарле, А. Е. Пресняков, Н. И. Кареев, С. В. Рождественский, И. М. Грэвс), их ученики (Б. А. Романов, П. П. Щеголев, А. И. Молок, А.Н. Шебунин, С. Н. Валк, А. И. Заозерский, А. И. Андреев, Б. Д. Греков) и научная молодежь.

В указанном комплексе документов фонда А. Е. Преснякова оказались перемешаны бумаги, имеющие отношение к ЛОИИ РАНИОН и к ИНИИ при ЛГУ, которым также руководил А. Е. Пресняков. Отвечая на его приглашение присоединиться к ЛОИИ, некоторые ученые считали, что ЛОИИ – это прежний ИНИИ. В кадровом отношении это был приблизительно тот же круг ученых. Но, в отличие от ИНИИ, институционально ЛОИИ был полностью подчинен московской дирекции РАНИОН.

А. Е. Пресняков считал необходимым расширить деятельность ЛОИИ. Сохранилась его программная записка, в которой в качестве задач ЛОИИ он обосновал «планомерную разработку рукописного материала, хранящихся в Ленинградских отделениях Центрархива, в рукописных отделениях Публичной библиотеки, Академии наук и Музея Палеографии при Академии наук, ... публикацию новых исторических материалов», для чего требовалась, по его убеждению, «более дробная организация исследовательской работы». Он планировал внутри имеющихся двух секций ЛОИИ создать четыре подсекции: 1) по новой русской истории; 2) по русскому средневековью; 3) по новой истории Западной Европы; 4) по Восточному и Западному средневековью». Для каждого из четырех направлений Пресняков предложил круг научных тем и

располагаемых документальных комплексов, необходимых для их разработки. Фактически это был научно-организационный план Института на десятилетие.

Не известно, обсуждались ли эти предложения в Москве на коллегии РАНИОН, но летом 1928 г. вопрос о ликвидации ЛОИИ считался уже решенным, сама «реорганизация» была лишь отложена ввиду болезни А.Е. Преснякова, фактически до 1929 г. Затем была ликвидирована сама РАНИОН, большинство ее институтов вошли в состав Комакадемии. Многие ученые молодого и «среднего» поколений из состава ЛОИИ РАНИОН, из тех, кто не был задет «академическим делом», оказались в 1931 г. в составе сначала Историко-архивного института, а затем его преемника – ЛОИИ Академии наук СССР.

Тема: Социально-политическая и экономическая трансформация российского общества в периоды кризисов и реформ XX в.

Б. И. Колоницкий

Некоторые аспекты изучения политической культуры России
начала XX века

1. Основы изучения политического сознания революционной эпохи были заложены представителями «ленинградской школы» историков революции 1917 года. Прежде всего это новаторская для своего времени книга Г.Л. Соболева, посвященная «революционному сознанию» рабочих и солдат Петрограда. В свою очередь он испытал влияние работ Ю.С. Токарева, изучавшего «народное правотворчество». В.И. Старцев проявил немалый интерес к «исторической психологии», а сферой интересов О.Н. Знаменского было политическое сознание российской интеллигенции.

2. В настоящее время эту традицию продолжают исследования политической культуры эпохи революции. Так, в 2025 году вышла коллективная монография, посвященная политическому использованию понятия «гражданская война» в 1917 – 1918 годам⁷. На авторов этой книги особое воздействие оказали история понятий и кембриджская школа интеллектуальной истории, а также история эмоций.

3. Б.И. Колоницкий, К.В. Годунов и К.А. Тараков подготовили монографию «Забастовщики и хулиганы, патриоты и погромщики: Политическая культура конфликта и насилие в Петербурге летом 1914 года». В ближайшее время текст будет представлен для обсуждения в Отделе истории революций и общественного движения России. Одна из тем книги – влияние культурной топографии Санкт-Петербурга на уличные конфликты в городе.

4. Разрабатывается проект, посвященный политическим культурам начала ХХ века, прежде всего культу вождей и культуре вождизма. Культы вождей давно стали уже объектом изучения исследователей, прежде всего зарубежных ученых. Культ Ленина рассматривался Н. Тумаркин, Б. Эннкером и О. Великановой, культ Сталина – Я. Плампером, культ Троцкого – А. Резником. Культам героев и мучеников посвящены исследования М. Могильнер, С. Малышевой и А. Савина. Между тем многие аспекты политических культов разного масштаба и значения изучены недостаточно, или не изучены вовсе, хотя «вождизм» как явление привлекает внимание философов, политологов, юристов, что требует сравнительного и системного изучения политических культов. Это делает актуальным запуск нового коллективного исследовательского проекта

⁷ Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918) / Коллективная монография под ред. Б.И. Колоницкого (отв. ред.), К.В. Годунова, А.В. Резника, К.А. Таракова. – М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 792 с.

H. B. Михайлов

Из опыта работы по описанию Фонда С.И. Потолова

Архив С.И. Потолова поступил в Институт в 2015 г. от родственников покойной жены Сергея Ивановича Людмилы Павловны Турчаниновой.

Состояние – россыпь. Объем – ок. 4 .м.

Основные этапы и методика работы

I этап

В 2015-2018 г. Н.В. Михайловым была выполнена первичная обработка – систематизация материалов архива методом сплошного (беглого) просмотра.

Результат – частичное исключение дублетов, тематическая систематизация материалов (16 тем), опись 2 стр. (49 связок) – 3 м 60 см

В ноябре 2018 г. фонд передан в Архив СПБИИ РАН

С апреля 2024 г. работа проводилась по заданию дирекции.

Состав рабочей группы – Т.А. Абросимова, Н.В. Михайлов (руководитель), П.Г. Рогозный

II этап

Апрель 2024 г. – май 2025 г.:

Сплошной просмотр всего объема фонда с целью исключения не подлежащих хранению материалов (ксерокопии публикаций, дублеты), углубленная систематизация в соответствии со структурой 2018 г. по тематическому и жанровому принципу, разделение связок на более мелкие дела.

Результат: черновые записи содержания связок, сформировано 80 дел.

III этап

Июнь – ноябрь 2025 г.

Систематизация материалов внутри сформированных дел по тематико-хронологическому принципу (сплошной просмотр).

Результат: раскладка по хронологии, окончательное исключение дублетов, соединение разрозненных документов, создание сводной описи – 15 стр.

IV этап

Ноябрь - декабрь 2025 г.

Переформатирование сводной описи в соответствии с требованиями «Методических рекомендаций по описанию личных фондов в Архиве РАН» и традициями описания личных фондов в Архиве СПБИИ РАН, формирование более мелких единиц хранения (дробление дел), описание на уровне документа (путем выделения в отдельное дело либо включения в одно дело нескольких документов с созданием т.н. внутренней описи дела), что потребовало очередного сплошного просмотра всего объема фонда.

Результат (не окончательный): Сформировано и описано 443 единицы хранения (Оп. 1 – 293, оп. 2 – 150)

Две описи объемом 65 и 20 стр.

Трудности:

1. Отсутствие соответствующей квалификации и опыта архивной работы у участников работы
2. Большой объем фонда
3. Значительный объем рукописных материалов со сложным для прочтения почерком
4. Наличие значительного количества дублетов

П. Г. Рогозный

Церковные слухи эпохи Гражданской войны в России

Слухи являются важным и недооцененным источником по истории. Хотя изучение слухов в России имеет свою давнюю традицию, но и сейчас исследователи их могут

считать не совсем серьёзным материалом. Однако слухи порою бывают важней более «правдивой» информации и заставляют людей принимать то или иное решение.

Слухи, особенно в стране крестьянской, где люди обладали только начальной грамотностью или не умели читать вообще, становятся порою основным источником информации. Говоря о немного более позднем времени, современный историк цитирует публициста начала 20-х гг. годов XX в., писавшего, что большинство сведений «деревня черпает не из газет». Всячески распространяют и продвигает слухи не только крестьянское население, хотя основной пользователь такой информации, конечно, простонародный.

Революция и последовавшая за ней Гражданская война только усилили распространение всяческих слухов. Среди них не последнее место занимают слухи церковные, я их так называю, потому что они так или иначе касаются церковной или шире религиозной жизни населения бывшей империи.

Множество слухов породил Декрет «об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованный в январе 1918 года. Сотни лет Российская Церковь была связана с государством, и многие крестьяне не могли понять, что такое «свобода совести». (В своей первой публикации Декрет назывался «о свободе совести»)

Благоприятной средой для распространения всяческих слухов являлось то, что количество получаемой информации и для простого народа, и даже для церковных властей постоянно сужалось.

Вообще незнание духовенства с ситуацией, сложившейся в стране, может удивлять. Некоторая часть по крайней мере черного духовенства вообще не знала, что к власти в стране пришло «богоборческое правительство», и не читала или не было знакома с посланиями патриарха и распоряжениями Поместного Собора. Плохо осведомлено было и духовное начальство. Так, например, патриарх мог не знать, кто управляет некоторыми отдаленными епархиями. В результате этого сложилась парадоксальная ситуация. В 1920 году, рассматривая положение церковных дел в Сибири, Священный Синод и Высший Церковный Совет в официальных бумагах используют слово «по слухам». Можно с большой долей уверенности сказать, что в бумагах, исходящих от церковных властей, такая формулировка могла использоваться только в период Гражданской войны.

Если плохая осведомленность как духовной, так и светской власти в этот период характерна, то отдельные представители духовенства в буквальном смысле часто не понимали, что происходит. В этом контексте не удивительно, что настоятель монастыря мог не слышать о декрете «об отделении церкви от государства», а один из представителей высшего духовенства упорно считал, что вместо министра путей сообщения железнодорожным транспортом «ведает какой-то г. Викжель».

Можно констатировать, что основа некоторых слухов времени Гражданской войны была пропагандистская. Говоря другими словами, они были пущены в «широкие массы» или красной, или белой стороной. Представляется, что именно такими были слухи о налоге на иконы или об обобществлении женщин.

Некоторые слухи или истории о наказании за поруганные святыни имели «народный характер». Возможно, именно такой характер имеют рассказы о подмене мощей или о скрывшемся от большевиков -осквернителей святом из гробницы. Иногда случай, как с упавшей на голову иконой в Старой Руссе, давший ход слухам был совсем не похож на окончательный вариант или даже ему почти противоположен.

Можно согласиться с исследователем, что в сельской местности переносчиками слухов были богомольцы, странники, но в то же время крестьяне особенно «ценили всевозможные известия, исходившие от сельских священников» и «деревенской интеллигенции» (учителя, писари, фельдшеры и т. п.) Некоторые слухи об «обобществлении женщин» или об открытии большевиками памятника Иуде имеют явно городской исток. В противоположность этому вряд ли городской интеллигент или профессор Духовной академии мог верить, что государственная власть может поменять

религию в стране. Большинство так называемых церковных слухов распространялось противниками большевиков, так как последние могли восприниматься как гонители православия.

Распространение всякого рода слухов и «рассказов», «историй» усиливается именно в кризисные и переломные эпохи, так было и в рассматриваемый период. Безусловно, они обостряли ситуацию, делали Гражданскую войну еще более кровавой и жестокой.

H. H. Смирнов

А. Тома и М. Жанен — дискуссии о месте России в военных событиях весны — лета 1917 г.

Визиты в Россию министра вооружений А. Тома и руководителя военной миссии Франции весной — летом 1917 г. во многом были предопределены развитием событий на фронтах Первой мировой войны.

Цель визитов — определить намерения России и состояние ее вооруженных сил для участия в планируемом на апрель 1917 г. наступлении союзников на Западном фронте.

Задача А. Тома — убедить Временное правительство в необходимости поддержать союзные державы наступлением на Восточном фронте, не дав возможности противникам перебросить часть своих войск на Западное направление.

Задача М. Жанена — в инспекционных поездках по фронтам оценить реальные возможности русской армии перейти к наступательным действиям в соответствии с договоренностями, достигнутыми союзными державами на январской 1917 г. конференции в Петрограде.

А. Тома и М. Жанен обменивались собранной информацией как во время личных встреч, так и в письменной переписке в апреле — начале июня 1917 г.

А. Тома категорически наставал на выполнении правительством России принятых на себя в январе 1917 г. обязательств и, несмотря на очевидную неготовность России перейти к наступательным действиям в апреле, до последнего дня своего пребывания добивался от А. Ф. Керенского принятия решений о начале наступательных действий. Временное правительство отказалось от начала наступательной операции на Восточном фронте в апреле 1917 г., ссылаясь на ряд объективных обстоятельств.

Генерал М. Жанен, напротив, предупреждал министра вооружений, что наступательные действия на Восточном фронте со стороны России невозможны, учитывая реальное состояние войск, их слабое материально-техническое обеспечение, царящие в армейских частях разброд и шатания. Он в своих телеграммах в Париж предупреждал правительство и военное руководство Франции о том, что преждевременное наступление русской армии на Восточном фронте может завершиться для нее полной катастрофой.

В итоге — А. Тома добился от Временного правительства издания Приказа о переходе вооруженных сил России в наступление на Восточном фронте в середине июня 1917 г. Тем самым министр вооружений посчитал успешно выполненной свою миссию. М. Жанен подтвердил правоту своих наблюдений и выводов: начавшееся июньское наступление русской армии завершилось полной катастрофой. В немалой степени эта катастрофа была увязана с отказом союзных держав поддержать Россию наступательными действиями на Западном направлении.

T. A. Абросимова

Кадеты и корниловский мятеж

Тема «Корнилов и кадеты», широко обсуждалась учеными-историками в 60-е-90-е годы прошлого века. Исследователи пытались установить действительную роль кадетов в организации корниловского мятежа.

Этой проблемы касались такие известные ученые как: А. Я. Грунт (Заговор обречённых) Е. Ф. Ерыкалов (Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде), М. И. Капустин ((Заговор генералов (Из истории корниловщины и ее разгрома), Н. Я Иванов (Контрреволюция в России в 1917 г. и ее разгром, Н. Г. Думова ((Кадетская партия в период первой войны и февральской революции) и др.

В трудах этих авторов подчеркивалось, что кадеты являются непосредственными участниками корниловского мятежа.

Противоположная точка зрения была высказана в двухтомнике "Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде", изданном в 1967г. Среди авторов Ю. С. Токарев, В. И. Старцев, О. Н. Знаменский и др. В этом труде кадеты были представлены не как организаторы корниловского мятежа, а как партия поддерживающая Корнилова и высказывающая "в целом сочувственное" отношение к его программе» Эта точка зрения была поддержана С. В. Тютюкиным (Сборник В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России, Г. З. Иоффе в статье Корниловский путч и раскол революционной демократии. - Вопросы истории КПСС. 1991. № 8, и др. историками. Но к окончательному выводу так и не пришли.

К сожалению, в последние годы, практически не было исследований по этому вопросу. Хотелось бы возродить интерес к этой нужной и сложной теме, требующей дальнейшего изучения. Важно, наконец, установить действительную роль кадетов в организации корниловского мятежа. Этой проблеме будет посвящено планируемое исследование.

В. И. Мусаев

Положение свободных протестантских общин
в Советской России / СССР в 1920-е гг.

Для членов свободных протестантских общин – баптистов, евангельских христиан, адвентистов, пятидесятников и других – политические перемены, произошедшие в России после октября 1917 г., имели неоднозначные последствия. В период правления Временного правительства, когда давление на свободные общины ослабло, были приняты постановления об отмене вероисповедных и национальных ограничений и о свободе совести, появились надежды на общее улучшение положения. Октябрь 1917 г. перечеркнул многие социально-экономические планы и начинания руководителей ведущих свободных протестантских объединений, однозначно связывавших своё будущее с буржуазно-парламентским строем. Поэтому отношение лидеров общин к новой власти было настороженным. В печатных изданиях подчёркивалось, что участие верующих в политической борьбе является нарушением важнейших религиозных заповедей и предписаний. Сектантская печать обращалась к разным социальным группам с призывами к прекращению конфликтов и братоубийственной борьбы и к решению споров на основе «духовного возрождения и духовного единения» всех людей. Сектантские проповедники стремились вызвать у верующих отрицательное отношение к марксизму как учению, несовместимому с социально-этической программой христианства.

С другой стороны, в изменившихся условиях свободные общины могли найти и определённый позитив. Декрет об отделении церкви от государства в правовом отношении уравнял все религиозные общины, ликвидировав прежние привилегии Русской Православной Церкви. Отношение коммунистических властей к сектантам как неоднократно гонимым при прежней власти и не связанным со старым государственным аппаратом было не столь жёстким, как к Православной церкви или к католическим общинам. Введение светского образования в школе не вызывало возражений со стороны сектантов в той его части, которая выводила Закон Божий в православной интерпретации за рамки школьных программ. Законодательные положения, которые в принципе запрещали любые формы организованного преподавания основ вероучения лицам до 18-

летнего возраста, вызывали у них, безусловно, негативную реакцию. Однако декрет оставлял возможность для обучения религии частным образом. Декрет ВЦИК РСФСР от 13 июня 1921 г. хотя и подтверждал запрещение на «преподавание вероучения лицам, не достигшим 18-летнего возраста», в порядке исключения преподавание религии разрешалось частным образом в семейном кругу при условии, что в группе будет не более трёх детей.

При всей непоследовательности в религиозной политике государственных органов, особенно на местах, и фактах негласного давления на религиозные организации и их лидеров, религиозные меньшинства, в частности, свободные общины временно оказались в более выгодном положении, чем Православная церковь и некоторые другие более традиционные конфессии, особенно католическая (ничего похожего на «процесс ксёндзов» 1923 г. против сектантских лидеров до конца 1920-х гг. не проводилось), а в меньшей степени также и лютеранская. В глазах некоторых сторонников нового режима, секты даже выглядели полезными, поскольку они помогали расколоть традиционные конфессии и в конечном итоге свести на нет их влияние.

Свободные общины, в отличие от Русской Православной церкви, не обладали обширным движимым и недвижимым имуществом, которое могло бы привлечь к себе внимание властей. Для их богослужебной практики не требовалось ни специального убранства помещений, ни богослужебной утвари (кроме Библии). Многие общины не имели собственного молитвенного здания и либо арендовали помещения у организаций и частных лиц, либо собирались на частных квартирах. В Петрограде, например, только у общины баптистов имелся собственный молитвенный дом, построенный в 1910 г. Поэтому лишение религиозных организаций прав собственности и юридического лица отразилось на положении свободно-церковных общин не так болезненно, как на положении РПЦ, а также (опять же в меньшей степени) Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей. «Кадровый голод», нехватка специально подготовленных священнослужителей также не был для сектантов такой же большой проблемой, как для православных, католиков или лютеран. В свободных общинах исповедовался принцип всеобщего священства, для проповедников и лидеров общин не требовалось специальной процедуры посвящения (хиротонии или ординации), так что арестованному или отошедшему от дел проповеднику легче было найти замену.

Многие члены свободных общин не только разделяли идеи коммунистического братства, но и пытались воплотить их в жизнь. Это ярко проявилось в организаторской деятельности лидера евангелистов И. С. Проханова, который выступил инициатором образования религиозных сельскохозяйственных объединений. Его идеал, который он обрисовал в статье «Новая или евангельская жизнь», мало отличался от коммунистических утопий. После установления новой власти в ряде евангельско-баптистских церквей вновь пробудилось стремление к созданию сельскохозяйственных коммун и мелко-производственных кооперативов.

Деятельность свободных общин на советской территории в 1920-е гг. была весьма активной. В определённой степени этому способствовали сложности, переживаемые Православной и Евангелическо-лютеранской церквами. Сектанты, пользуясь ситуацией, умело заполняли образовавшийся духовный вакuum, активизируя проповедническую работу в уездах и волостях. На рубеже десятилетий и далее в течение 1920-х гг. в материалах советских и партийных органов неоднократно сообщалось об образовании новых протестантских общин.

Со второй половины 1920-х гг. политика властей по отношению к свободным общинам начала принимать более жесткий характер. 22 августа 1927 г. Президиум ВЦИК разослал текст секретного циркуляра № 260/с «О последовательном проведении в жизнь основных законов об отделении церкви от государства и школы от церкви по отношению к сектантским организациям». В циркуляре подчёркивалось, что сектанты, получив в своё время в рамках декрета 1918 г. определённый перечень прав и полномочий, в

последующие годы расширили его явочным порядком. В результате сложилось положение, при котором некоторые сектантские группы и организации имели преимущества по сравнению с другими конфессиональными структурами, например, с РПЦ. Подчёркивалось, что деятельность сектантских объединений должна быть ограничена исключительно отправлением культа и осуществляться под жёстким контролем государственным структур.

Свободные общины, в условиях усиления давления на них, были вынуждены идти на всё большие уступки и отступления от некоторых своих принципиальных установок, чтобы сохранить основы для своей легальной деятельности. Уступки, однако, не могли избавить свободные общины от тех же фатальных последствий, которые повлекли для всех религиозных организаций изменения в правительственной политике, наступившие на рубеже десятилетий.

Д. А. Баринов
«Буферная» группа ВКП(б) в 1927 г. и опыт конструирования оппозиции

В последние десятилетия ход внутрипартийной борьбы 1920-х гг. в высших партийных органах (Политбюро, ЦК и ЦКК) довольно хорошо изучен. Эти исследования становятся отправной точкой для изучения более частных сюжетов, раскрывающих события политической истории раннего СССР. Историки начинают обращать внимание не только на крупные оппозиционные течения, связанные с именами партийных лидеров (Л.Д.Троцкого, Г.Е.Зиновьева, Н.И.Бухарина и др.), но и на другие группы, известные своими выступлениями против «большинства» ЦК: группа демократического централизма, «Рабочая правда», «Рабочая группа» и др. К этому перечню можно отнести и т.н. «буферную» группу. Ее история начинается с письма старых большевиков, которое было направлено в ЦК и ЦКК ВКП(б) 20 июля 1927 г. Заявление, задуманное как шаг к примирению в партии, спровоцировало дискуссию как на страницах печати, так и на заседаниях партийных форумов. В ходе атаки на авторов письма, их поступок был оценен не как обеспокоенность за сохранение нормального режима в ВКП(б), а как проявление фракционности. Использование в адрес «буфера» терминов «группа», «платформа» и само содержание критики искусственно создавали из него союзников Объединенной оппозиции Троцкого-Зиновьева, имевших реальные организационные структуры.

А. Ю. Стефаненко
Генеральный план развития Ленинграда 1935–1941 гг.: особенности экономического районирования промышленного центра

Летом 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР был утвержден генеральный план реконструкции Москвы, ставший первым масштабным советским проектом по перепланировке крупного промышленного центра. Ленинградское руководство отреагировало на это решение созданием специальной комиссии по разработке генерального плана развития Ленинграда. В течение 1935–1941 гг. в ходе работы различных подкомиссий предлагались варианты экономического районирования и ликвидации накопившихся за предшествующие годы проблем городской инфраструктуры. Вследствие совокупности причин, окончательный вариант плана так и не был одобрен центральными органами власти. Реализация отдельных положений проекта столкнулась с техническими сложностями и ведомственными конфликтами, а начавшаяся Великая Отечественная война и блокада Ленинграда привели к существенной переработке плана с учетом понесенных городом потерь. В рамках доклада предполагается затронуть сюжеты, которые постоянно отходили на второй план в ходе реализации генерального плана, несмотря на проходившую в СССР индустриализацию: развитие промышленности и проблему ликвидации текучести рабочей силы.

А. И. Богомолов

«Спецкарточка» ГАУ НКВД СССР и ее следы в петербургских архивах: история, состояние, проблемы использования

1. Реорганизация архивного дела в СССР 1930-х гг. привела к передаче в 1938 г., по постановлению Президиума Верховного Совета СССР, управления государственными архивами страны в ведение НКВД СССР. В структуре наркомата появилось Главное архивное управление, в подчинение которого перешли важнейшие комплексы документов, образовавшие сеть центральных государственных архивов общесоюзного значения. Упразднение ЦАУ РСФСР и передача ГАУ НКВД СССР руководства всеми направлениями архивного дела создали условия для жестко централизованного управления архивной сферой через отделы НКВД союзных республик, а также ускорили оформление государственного архивного фонда СССР.

2. Помимо унификации и централизации управления архивным делом, эти меры повлекли за собой еще одно последствие. Секретным циркуляром ГАУ НКВД СССР № ж-707 от 21 сентября 1939 г. нарком Л.П. Берия привлек своих новых подчиненных к решению генеральной задачи наркомата. Сотрудникам архивов поручалось выявлять в исторических документах сведения о потенциальных противниках режима (государственные служащие, военнослужащие, полицейские и тюремные служащие царского правительства, Временного правительства, антибольшевистских режимов периода гражданской войны; члены монархических, либеральных, националистических политических организаций; участники антизабастовочного движения, и др.). Списки выявленных лиц, а также составленные по утвержденному формуляру карточки (1) название архива, фонда, номер описи и единицы хранения; 2) фамилия, имя, отчество, прозвище; 3) дата и место рождения; 4) род занятий и место работы; 5) политическое прошлое; 6) наличие судимости; 7) характер документа, из которого взяты сведения; 8) дополнительные сведения) пересыпались в ГАУ НКВД СССР, где была сформирована «Картотека на лиц, скомпрометировавших себя перед Советской властью», использовавшаяся в оперативно-розыскных целях. Картотека служила поисковым аппаратом к присланным спискам-справочникам. С 1940 г. добавлялись новые категории: полицейские и военнослужащие Польши, Бессарабии, прибалтийских республик; с 1941 г. стали поступать сведения о лицах, сотрудничавших с нацистскими оккупантами. К середине 1950-х гг. на учёте состояло уже 36 категорий. В 1956 г. картотека была выведена из оперативно-ведомственного подчинения; в 1957 г. из отдела использования ГАУ была передана в его архив. Картотеку предполагалось пересистематизировать: разобрать карточки по принадлежности к союзным республикам и к регионам РСФСР. Эта работа тоже не была завершена (разобраны разделы алфавита «А-Г» и частично «Д»). Уцелело 843 ящика картотеки, содержащие около 1.500.000 – 1.600.000 карточек. Картотека составлялась по алфавитно-территориальному принципу. После ряда перевозок каталог картотеки большей частью утрачен, и две трети картотеки упорядочено только по алфавитному перечню фамилий.

3. Остается открытым вопрос о цели ее составления. Тезис о том, что спецкарточка составлялась как инструмент репрессивного аппарата тоталитарного режима, не выдерживает критики. Ряд категорий учета в спецкарточке и в списках-справочниках составляют лица, умершие еще до 1917 г., т.е. заведомо не входящие в контингент оперативно-следственного учета. Наиболее массовые репрессии «по спискам» к моменту появления упомянутого «инструмента» уже состоялись, т.е. как оперативный инструмент для «Большого террора» спецкарточка опоздала. Первые списки-справочники и карточки спецкарточки (рассматривать их имеет смысл именно в совокупности) поступили в ГАУ НКВД СССР в 1940-1941 гг.; в ряде архивов к исполнению циркуляра № 707 приступили еще позже (в 1943 г.). По материалам картотеки можно предположить, что она использовалась в том числе и для проверки

запросов. В ряде сохранившихся карточек в графе «политическое прошлое» рядом с указанием категории учета («монархист» или «член Союза русского народа») имеются карандашные пометки «государственные архивы подтверждают» или же «государственные архивы не подтверждают».

4. До сих пор картотека практически не попадала в круг внимания исследователей. В период ее функционирования доступ к ней был заведомо ограничен. После вывода из оперативного обращения спецкартотека была отделена от списков-справочников, неотъемлемой частью которых являлась. Списки, по материалам которых составлялась картотека, были переданы в ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ) и хранятся в фонде Главархива СССР (Ф. Р-5325, оп. 8с, 1787 дел). Картотека в 1963 г. была передана на хранение из ведомственного архива Главархива СССР в ЦГАСА СССР (ныне РГВА), откуда в 1969 г. перевезена в Центр хранения страхового фонда (г. Ялуторовск). В 1998 г. в связи с тем, что списки-справочники хранятся в ГАРФ, спецкартотека также была передана в ГАРФ, но свое место хранения в г. Ялуторовске не покинула. По мнению составителей справочника-путеводителя по фондам ГАРФ, необходимости в этом не было, поскольку в нынешнем состоянии спецкартотека не до конца упорядочена и по своей полноте проигрывает спискам-справочникам (количество карточек в картотеке меньше, чем число упомянутых в списках-справочниках лиц). Но списки-справочники в фонде ГАРФ засекречены.

5. Реконструировать рассыпанную «спецкартотеку» можно «снизу» - через поиски ее следов в региональных архивах, направлявших данные в ГАУ. Такие следы уже удалось отыскать в рассекреченных документах ЦГА СПб. Сотрудники ГАОРСС ЛО подготовили списки членов партий и союзов, сгруппированные по фондам. Списки были направлены в ГАУ для составления центральной картотеки. Копии их отложились в архиве и использовались для составления ответов на запросы региональных органов НКВД. С учетом того, что доступ к самой спецкартотеке и спискам-справочникам в фонде ГАРФ в настоящее время затруднен, рассекрченные фонды региональных архивов остаются единственным источником личных данных о категориях лиц, подлежащих учету в спецкартотеке.

6. Несмотря на принадлежность к единому наркомату, взаимодействие между архивами и следственными органами НКВД по вопросам составления и использования спецкартотеки осложнялось внутриведомственной спецификой и взаимным непониманием чекистов и архивистов, нехваткой человеческих и материальных ресурсов. Карточки, заполнявшиеся по материалам исторических документов, по ряду категорий учета имели невосполнимые пробелы. Запросы следственных органов по умолчанию подразумевали знакомство адресатов с данными текущей криминальной статистики, которой сотрудники «исторических» архивов не владели. Все большая часть фигурантов, упоминаемых в картотеке, выбывала из круга интересов следственных органов в силу возраста. При подготовке ответов на запросы 1946-1953 гг. использовалась уже только самая поздняя часть составленных для картотеки списков – списки участников эмигрантской организации младороссов. Указанные обстоятельства, на мой взгляд, позволяют отчасти ответить на вопрос, по какой причине спецкартотека к середине 1950-х гг. перестала представлять интерес для следственных органов и была выведена из оперативно-ведомственного подчинения, и почему продолжает быть любопытной для историков.

Д. Ю. Асташкин.

Визуальная репрезентация блокады Ленинграда в странах Антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.)

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на обширную историографию блокады Ленинграда, остаётся слабо изученным вопрос о том, как её

визуальные образы воспринимались, трансформировались и репрезентировались за в странах Антигитлеровской коалиции. Настоящее исследование направлено на решение этой научной проблемы через анализ механизмов формирования международного визуального нарратива.

С первых месяцев блокады Ленинград превратился в глобальный символ сопротивления нацизму. Ввиду отсутствия доступа иностранных журналистов в осаждённый город, союзные медиа были вынуждены полностью полагаться на визуальные материалы (фотографии, кинохронику), поставлявшиеся через Совинформбюро, ВОКС и посольства СССР. Однако эти материалы не просто пассивно копировались. Они активно и творчески перерабатывались зарубежными редакциями и художниками, включаясь в местный информационный контекст. Примеры этого — сравнительные карты (например, карта общества Russian War Relief, накладывавшая оккупированные территории СССР на карту США), газетные коллажи, плакаты и рисунки, что способствовало адаптации трагедии Ленинграда для понимания иностранной аудиторией.

Визуальная репрезентация осуществлялась в самых разнообразных форматах: от публикаций в ведущей прессе и показа советской кинохроники до организации масштабных передвижных выставок и художественных выставок местных авторов.

Реакция в союзных странах была двойственной. С одной стороны, она выражала искреннее восхищение мужеством защитников города, что вело к акциям солидарности и помощи. С другой — в карикатурах (например, работах Дэвида Лоу или Оскара Шлингера) была критика недостаточности реальной военной поддержки, отражавшая понимание чудовищной глубины трагедии и пропасти между положением на фронте и в тылу.

При этом визуальные материалы стали мощным инструментом «народной дипломатии», работавшим на культурное сближение. Яркие примеры — отправка фотографий из ленинградского детдома в английскую газету, а также уникальная история с отправкой в Ленинград выставки картин канадских художников, вдохновлённых подвигом города, и последовавший диалог художественных сообществ. Несмотря на фильтры военной цензуры, зарубежная аудитория смогла воспринять не только героический, но и глубоко трагический аспект блокады, что вызывало эмпатию к стойкости ленинградцев.

Таким образом, исследование раскрывает визуальную пропаганду союзных стран как сложный инструмент международной солидарности и культурного трансфера в условиях тотальной войны. Его промежуточным результатом стала научная статья объёмом 1 а.л., вводящая в научный оборот новый комплекс источников и предлагающая свежий взгляд на механизмы формирования исторической памяти в международном контексте.

Б. Н. Ковалев

Сбор доказательств на военных преступников для судебных органов
зарубежных государств

К моменту окончания Второй мировой войны оказалось, что в разрушенной Европе находится до восьми миллионов перемещенных лиц. Часть из них была насильственно вывезена гитлеровским режимом на работу в «Новую Европу». Но кроме тех, кто оказался в Германии не по своей воле, были люди, которые бежали вместе с гитлеровцами от наступления Красной армии. Следует отметить, что среди них были как военные преступники, так и сотрудники различных коллаборационистских структур: бургомистры, старосты, сотрудники коллаборационистской оккупационной прессы.

Вскоре после окончания Второй мировой войны Конгрессом США было принято специальное иммиграционное законодательство, по которому с конца 40-х годов и по

середину 50-х годов прошлого столетия в страну въехало около 550 000 перемещенных лиц из разрушенной войной Европы. В ряды этих перемещенных лиц затесались и сотни, а то и тысячи бывших нацистских коллаборационистов.

В условиях, когда СССР и США многие годы находились в состоянии холодной войны, любой шаг навстречу друг другу мог рассматриваться как проявление слабости. Нацистские пособники могли не опасаться, что их отдадут в руки правосудия тех стран, где они совершили тяжкие преступления, если они находились на территории США или ее союзников. По сути своей, для большинства западных политиков они считались гораздо меньшим злом, чем СССР.

Почему так и не удалось добиться их экстрадиции в СССР? Ведь в начале 70-х годов переговоры об этом шли на уровне советского лидера Л.И. Брежнева и Президента США Р. Никсона. Здесь можно назвать несколько причин. Советский Союз не хотел организовывать выезд свидетелей из СССР на территорию США. Не учитывалась специфика законодательства США. При этом в полном объеме присутствовало нежелание западных «ястребов» идти навстречу Советскому Союзу. Уотергейтский скандал, после которого Никсон был вынужден уйти в отставку, поставил окончательную точку в этих переговорах.

Работа по сбору доказательств о злодеяниях нацистов требовала от следователей органов КГБ кропотливого труда. Задача усложнялась тем, что со временем совершения преступлений прошло много лет, а, расследуя ранее дела на карателей из числа изменников Родины, следователи не всегда уделяли должное внимание выявлению и документированию преступной деятельности нацистов и их пособников.

Поскольку западногерманские органы юстиции нередко пытались представить эти события так, будто злодеяния совершались местными карателями по их собственной инициативе, немаловажное значение имело документальное подтверждение действительного положения о взаимоотношениях между оккупантами и местными предателями.

Большую ценность как доказательства представляли документы, хранившиеся в материалах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов.

В процессе сбора доказательств изучались материалы в архиве КГБ при Совете Министров СССР. Здесь были найдены составленные немецкими оккупационными властями так называемые «сообщения о событиях в СССР» с обобщёнными данными о расстрелах советских граждан на всей оккупированной гитлеровскими войсками территории Советского Союза.

В ходе сбора доказательств учитывались особенности законодательства ФРГ и опыт работы западногерманской юстиции по расследованию и судебному рассмотрению дел о нацистских преступниках.

Сложность работы по поиску документов заключалась в том, что зачастую их удавалось выявить в совершенно непредсказуемых местах. Так, например, в архиве УКГБ по Владимирской области хранятся уголовные дела на осуждённых советскими судами немецких военнослужащих специальных карательных подразделений.

В этих делах были обнаружены сведения о некоторых бывших военнослужащих 9-го немецкого полицейского батальона, участвовавшего в массовых расстрелах советских граждан в городах Лиепае и Вентспилсе. На допросе каратели давали показания о совершивших ими злодеяниях под руководством начальника «Айнзацкоманды-2» Грауэля.

Были приняты меры к установлению места жительства этих карателей. Троє из них оказались в Западном Берлине. Установка и передача копий показаний этих лиц давала следственным органам ФРГ возможность передопросить их по делу Грауэля.

Допрашивая свидетелей, в том числе в присутствии представителей органов юстиции ФРГ, следователи стремились полнее и конкретнее выяснить и отразить все факты преступлений против человечности, чтобы не допустить квалификации судебно-

следственными органами ФРГ преступных действий обвиняемых как простое убийство, на что, как известно, в Западной Германии распространялся срок давности.

В работе по разоблачению нацистских военных преступников советские органы государственной безопасности использовали телевидение, радио и печать.

За 1960 – 1971 гг. чекистами было собрано и подготовлено для передачи за границу 850 протоколов допросов свидетелей и копий трофейных немецких документов на 6324 листах, из них 745 – в ФРГ, 72 - ГДР, 33 – в Швецию.

A. I. Рунаков

Выборы народных судей в Ленинграде в 1950 и 1953 гг.

К теме проведения после окончания Великой Отечественной войны выборов народных судей не часто проявляют интерес исследователи, а если и обращаются, то, как правило, основное внимание уделяется исключительно правовым аспектам. Юридическое оформление самой процедуры проведения выборов народных судей завершилось в СССР только 25 сентября 1948 г., когда указом ВС РСФСР было утверждено Положение о выборе судей и судебных заседателей, в котором была жестко прописана процедура проведения выборов.

Однако в 1950 г. и в 1953 г. процедура выборов народных судей в Ленинграде была достаточно грубо нарушена. Так, хотя доизбрание народных судей (в связи с выбытием по разным причинам нескольких судей из составов районных судов) должно было быть проведено еще осенью 1949 г., однако в действительности выборы прошли только в октябре 1950 г., при этом регистрация кандидатов была официально оформлена всего за две недели до выборов, тогда как должна была завершиться не менее чем за 25 дней до выборов.

В 1953 г. исполком Ленгорсовета назначил выборы судей на 25 апреля, хотя секретариатом Верховного Совета РСФСР было предписано их проведение 19 апреля. Однако в начале августа 1953 г. потребовалось еще одно решение секретариата ВС РСФСР о проведении выборов 1 октября, но и в этом случае ленинградские власти провели выборы с нарушением установленного высшей инстанцией срока.

В обоих случаях хаотическая ситуация с выборами судей имела политическую подоплеку. В 1950 г. она была создана начатой еще в предшествующем году «перетряской» властной элиты Ленинграда в связи с т.н. Ленинградским делом, в частности, с повлекшим уход с поста главы Ленгорисполкома А.А. Кузнецова, в 1953 г. – той неопределенностью, которая возникла после смерти Сталина. В обоих случаях Управлению юстиции приходилось с особой осторожностью относиться к вопросу о подборе кадров кандидатов в народные судьи.

E. D. Твердюкова

Организация производства мотоколясок для инвалидов в СССР (вторая половина 1940-х–1950-е гг.)

В 1947 г. на Киевском мотоциклетном заводе был наложен выпуск моторизованного транспортного средства для инвалидов – одноместной открытой мотоколяски К1В. Постановлением Совета Министров СССР от 3 июля 1948 г. инвалидам Отечественной войны с тяжелыми поражениями нижних конечностей, не способным самостоятельно передвигаться на протезах, предписывалось выдавать такие мотоколяски бесплатно, за счет ассигнований на министерства социального обеспечения союзных республик.

Поскольку в конструкции К1В имелся ряд существенных недостатков, специалисты Центрального конструкторско-экспериментального бюро мотоциклостроения начали разработку усовершенствованной модели – С1Л. К ее

производству в 1951 г. приступил Серпуховской мотоциклетный завод, ставший единственным в СССР предприятием, выпускавшим эту продукцию. Однако срыв программы реконструкции и ввода в эксплуатацию производственных площадей привел к тому, что даже серийное (с 1953 г.) изготовление мотоколясок велось кустарно, закупленное оборудование бездействовало, а сами моторизованные средства передвижения отличались крайне невысоким качеством. Очевидно, идея совместить в одной конструкции мотокресло и микролитражный автомобиль для передвижения не только по городским, но и по проселочным дорогам, изначально была обречена на неудачу.

27 июня 1957 г. группа инвалидов Отечественной войны явилась в Министерство социального обеспечения РСФСР, требуя выпустить доброкачественную четырехколесную машину или выделять им автомобили «Москвич» с ручным управлением. Считая этот вопрос крайне важным, министр Н.А. Муравьева просила ЦК КПСС поручить Госплану СССР рассмотреть вопрос о выпуске в ближайшее время микролитражного автомобиля, отвечающего нуждам инвалидов. Аналогичное требование выдвигал и Советский комитет ветеранов войны.

Изученные материалы позволяют сделать вывод, что причиной медленной реконструкции Серпуховского мотоциклетного завода и «нетехнологичного» производства мотоколясок являлось нежелание Министерства автомобильной промышленности и дирекции завода всерьез заниматься внедрением трудоемких операций на фоне параллельной разработки принципиально иного проекта транспортного средства с возможностью ручного управления. Сами руководители предприятия были не заинтересованы в его модернизации и внедрении трудоемких операций, зная, что параллельно ведутся работы по проектированию микролитражки. В итоге вместо разработки функциональной специализированной машины руководство страны и Минавтопром пошли по пути создания единой модели микролитражного автомобиля с модификацией для нужд инвалидов и вместо реконструкции мотоциклетного завода предпочли приспособить под ее производство комбайновый. Основным транспортным средством для людей с физическими увечьями стал «Запорожец», к выпуску которого в 1960 г. приступил завод «Коммунар».

A. H. Чистиков

Празднование 250-летия со дня рождения М.В. Ломоносова:
планы и результаты

В ноябре 1961 года исполнялось 250 лет со дня рождения М.В. Ломоносова. Подготовка к празднованию началась летом 1958 года по инициативе президиума АН СССР, принявшего 6 июня соответствующее постановление, в котором, в частности, определялся состав организационного комитета под председательством президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова. После выборов в Академию наук председателем комитета стал новый президент академик М.В. Келдыш. В комитет вошли представители не только АН СССР, но и некоторых государственных и местных органов власти и управления. Члены комитета принимали деятельное участие в выработке плана мероприятий по подготовке к проведению празднования юбилея учёного.

Празднества предполагалось провести во всех союзных республиках, но основное внимание уделялось Москве, Ленинграду и родине Ломоносова – Архангельской области. В докладе рассматриваются мероприятия, намеченные к проведению в Ленинграде и Архангельской области.

Комплекс юбилейных мероприятий можно разбить на четыре направления деятельности: мемориальное, научное, культурно-просветительское, инфраструктурное. Граница между ними не всегда чётко обозначена. Создание парка-сквера имени Ломоносова в Архангельске, например, одновременно можно отнести к

инфраструктурному направлению (разбивка парка) и мемориальному (присвоение ему имени Ломоносова). При всех отличиях направления, как и сам юбилей, служили одним из каналов пропаганды партийно-государственной политики.

В числе юбилейных мероприятий планировались проведение торжественных собраний и заседаний, публичных лекций и бесед, присвоение имени Ломоносова улицам, паркам и другим материальным объектам, установка памятника и мемориальных досок, организация научных конференций и сессий, подготовка научных, научно-популярных трудов и художественных произведений, строительство школ-интернатов и открытие пассажирской вертолётной линии...

Результаты оказались более скромными, чем ожидалось. В Ленинграде, например, не удалось установить памятник Ломоносову и оборудовать сквер с открытием в нём мемориальной доски. Не были, по всей вероятности, организованы пассажирские рейсы вертолётов по маршруту Архангельск – село Ломоносово. Невыполнение ряда пунктов плана объясняется не только финансовыми, но и другими причинами.

K. A. Болдовский

Взаимодействие партийной и государственной ветвей власти в «брежневский период»

Изучение истории власти и общества конца 1960-начала 1980-х гг. («брежневский период») в последние годы привлекает внимание исследователей. В 2024 г. в серии «Страницы советской и российской истории» вышла в свет объемная монография А.И. Савина и В. Деннингхауса «Брежnev. Опыт политической биографии». В рамках издания двадцатитомной работы «История России» подготовлен 17-й том, целиком посвященный этому периоду. Возросший интерес объясняется несколькими причинами. «Длинные семидесятые» в истории СССР были действительно своеобразным островком стабильности, свободным от потрясений предшествовавших периодов. Кроме того, в контексте наступившей вслед за ними перестройки и распада СССР, неизбежно возникает желание искать корни этих процессов в предыдущем десятилетии. Немаловажную роль играют и характеристики источников базы, где, с одной стороны, события и процессы достаточно подробно документировались, а, с другой стороны, значительное количество источников еще не введено в научный оборот.

Одними из важных тем являются проблема конструкции системы власти и управления и, в частном случае, вопрос о сферах компетенции и взаимоотношениях партийной и государственной ветвей власти, как на высшем (ЦК КПСС – СМ СССР и отдельные министерства), так и на региональном (обкомы, крайкомы партии – предприятия и ведомства) уровнях. Источниками в этом случае служат как документы Секретариата и отделов ЦК КПСС, а также ленинградского обкома партии, так и делопроизводственные документы министерств и ведомств.

На основании анализа этих источников, в докладе показывается, что единая, формализованная практика взаимодействия партийных и государственных отсутствовала и, что скорее следует говорить о различных механизмах, характерных для той или иной отрасли государственного управления. В оборонной промышленности роль главного согласовательного органа играла Комиссия Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам. Разработкой стратегических программ развития в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве занимались профильные подразделения СМ СССР и Госплана СССР, причем, после обсуждений и согласований с соответствующими отделами ЦК эти программы выносились на обсуждение в высший орган власти – Политбюро. Вопросы регионального развития обсуждались в Секретariate ЦК КПСС, где основными докладчиками были, как правило, местные партийные руководители с привлечением соответствующих министерств.

Разнообразие практик согласования интересов способствовало, с одной стороны, формированию гибких механизмов, позволявших избегать непродуманных решений, а с другой – приводило к необходимости многочисленных согласований и затягиванию сроков подготовки необходимых директив.

Л. Б. Вольфциун

От первенствующего книгохранилища к узловой библиотеке по технике
(из истории Российской национальной библиотеки)

1. Основана в 1795 г., открыта для читателей в 1814 г. Воспринималась как первенствующее книгохранилище России
2. Периоды расцвета и застоя. К началу XX в. входила в число крупнейших библиотек мира
3. Огромные книжные богатства и техническая отсталость, обусловленная в первую очередь недостаточными средствами
4. Разработка и принятие Устава Библиотеки и положения о штатах в 1917 г.
5. Октябрьская революция, новый Устав, внутренние изменения
6. Первый выборный директор Э. Л. Радлов, деятельность в годы Гражданской войны
7. Переезд правительства в Москву и выдвижение Румянцевского музея
8. Избрание Н. Я. Марра на пост директора (1924 г.)
9. Борьба за статус Библиотеки, изменения наименования
10. Внутренние изменения, проекты нового здания, высочайший научный взлет
11. Работа Комиссий по чистке и Рабоче-крестьянской инспекции (1929, 1930 г.), признание деятельности Библиотеки неудовлетворительной и рекомендация превратить ее в узловую библиотеку по технике и экономике

**Тема: Памятники делопроизводства России Средневековья и Нового времени:
источниковедческое изучение и публикация**

А. А. Вовин

Эволюция формуляра завещаний Северо-Запада Руси в XIII–XV вв.

В докладе формулируется историографическая проблема, связанная с возникновением частного акта на Руси, и рассматривается степень изученности этой темы, а также намечаются новые пути решения проблемы. Материал – вся известная совокупность распространенных на Северо-Западе Руси в XIII–XV вв. завещаний с особым типом формуляра – «рукописаний». Проводится сопоставление берестяных грамот, целиком или отчасти написанных по формуляру рукописаний, с известными документами этого типа, дошедшими в пергаменных оригиналах или в поздних бумажных списках. Основной результат – новая концепция эволюции формуляра рукописаний Северо-Запада Руси, краткого в XII – XIV вв. и усложненного с конца XIV столетия. Кроме того, отмечается, что вытеснение бересты пергаменом, хронологически накладывающееся на смену формуляра рукописаний, происходит во время распространения на Руси бумаги. Однако, в результате в отличие от Северо-Востока Руси традиции актов на бумаге на Северо-Западе не складывается. Таким образом, ставятся вопросы для будущих исследований: насколько взаимосвязаны эти два процесса, нет ли под ними определенной социальной подоплеки?

И. М. Басов

Специфика делопроизводственных и хозяйственных документов в исследовании истории книготорговли (на материале польско-литовских документов XVI в.)

В контексте проблемы установления цен на печатную книгу на европейских рынках Средневековья и Раннего Нового времени следует поднять вопрос того, насколько разные типы источников адекватны для задач исторической статистики. Важными источниками по истории книготорговли традиционно выступают делопроизводственные и хозяйственные документы: описи имущества, завещания, договоры, счета и др. В то же время, перечисленные типы документов обладают своей спецификой, которую необходимо учитывать в клиометрических исследованиях.

В историографии на должном уровне осознаётся тот факт, что закладные документы занижают цену закладываемого капитала по причине дисконта к ликвидационной стоимости, а также зачастую по причине тяжелого положения заемщика. Однако в случае судебных описей имущества особенности в отражении ими рыночных цен не столь очевидны, поэтому такого рода источники используются в исторических исследованиях без корректировки данных. На примере польско-литовских документов XVI в. хорошо видна проблема судебных описей в дела о публичной продаже имущества: поскольку суды привлекали на должность оценщиков людей из той же сферы книготорговли, в которой работали прежние владельцы распродаваемого имущества, оценщики знали рыночную стоимость товаров, но как конкуренты и потенциальные покупатели распродаваемого имущества, они были заинтересованы в заниженной оценке. Такая проблема обнаруживается при сравнительном анализе описей книжных коллекций братьев Геличей (1539), С. Мурмелия (1571) и М. Пшибильского (1587) со статистическими данными цен на книжные издания, собранными на материалах владельческих и торговых записей XVI в. Примечательно и то, что в случае двух из трёх вышеуказанных дел результаты оценки оспаривались в ходе дальнейшего судебного делопроизводства.

В случае со счетами, содержащимися в расходных книгах, формирование адекватной статистики возможно в большей степени. На документах королевской канцелярии 1547–1552 гг. наблюдается большое количество однородных данных, позволяющих говорить о средних ценах книг, закупавшихся для библиотеки Сигизмунда Августа в Вильно. Однако в данном случае среди специфических особенностей источника следует выделить: 1) элитарный характер книжного собрания; 2) отсутствие данных о месте приобретения книг, о продавцах; 3) оптовый характер закупок.

Среди всех актowych источников наиболее ценным (в наибольшей степени отражающим рыночную стоимость) является частный акт договора книгоиздателя с заказчиком тиража (или его части). Однако и в этом случае необходима корректировка данных по причинам оптового характера закупки и наценок при перепродаже.

М. Е. Проскурякова

Письмо указных грамот второй половины XVI–XVII в.

Исследование посвящено письму указных грамот второй половины XVI — XVII в. В докладе будут проанализированы общие и особенные черты в письме указных грамот. Отдельное внимание будет уделено эволюции в написании графем первой строки текста и изменениям в общем рисунке букв на протяжении изучаемого периода. Исследование проведено на основании 50 указных грамот второй половины XVI — XVII в. из собрания СПБИИ РАН.

Указные грамоты — это документально оформленные повеления царя и приказов. Тексты указных грамот включали в себя как законодательные решения и решения о назначениях на должности и службы, так и распоряжения военного и судебного

характера. Согласно сложившемуся ко второй половине XVI в. формуляру указных грамот, начальный протокол документа содержал малый титул и имя царя, а также чин, должность и имя адресата; основная часть — описание обстоятельств дела, в связи с которыми документ был составлен, и распоряжение центральных властей по данному делу; конечный протокол — место и дату составления акта. Указные грамоты отличала сложная система валидации, как правило, не уступающая системе валидации царских жалованных грамот. Подлинность указных грамот заверялась записью с царским титулом и именем, подписью дьяка, справой подьячего и печатью.

Помимо многоступенчатой системы защиты документа от подделки для указных грамот, по мнению автора доклада, было характерно особое письмо. Акты данного вида писались с использованием таких приемов, которые редко применялись или не применялись вовсе при составлении публичноправовых и частноправовых актов. Это касалось, во-первых, расположения текста на листе и в строках; во-вторых, размера и заполнения межстрочного интервала буквами, элементами букв и иными знаками; в-третьих, формирования своего рода «канона» в написании «заставного слова», с которого начинался текст, и изменений в размещении текста в верхней части листа. Трансформация письма — выпрямление и удлинение мачт — также впервые фиксируется в указных грамотах 1670–1680-х гг. Особенности их письма, вероятно, сыграли ведущую роль в формировании новой манеры в деловом письме рубежа XVII–XVIII вв.

Т. А. Базарова

Новые документы в делопроизводстве Посольского приказа петровского времени

В Петровскую эпоху усложнилась дипломатическая документация, появились разновидности документов, которых не было в XVII в. На формы дипломатической документации оказывали влияние бытовавшие в Западной Европе нормы.

С XVI в. перед отправкой посольства к иностранному двору в Посольском приказе готовился наказ. Его составляли с учетом с поставленных перед послом задач. По возвращении в Москву глава дипломатической миссии должен был представить подробный отчет о ее ходе и выполнении этих задач — статейный список. В XVIII в. официальные наказы стали называть инструкциями. При отправлении дипломат получал инструкцию официальную, или явную (именно она имели заголовок «инструкция») и секретную («статьи тайные»). В качестве образца могли использовать официальную инструкцию предыдущего посольства, в которую вносили актуальную правку. В инструкции излагалось официальное задание главы дипломатической миссии, основное внимание уделялось внешним атрибутам. Секретные статьи отражали проблемы, которые стояли между двумя государствами в то или иное время. Пункты в обоих документах начали нумеровать.

Слово «реляция» вошло в русской язык в конце XVII в. или начале XVIII в. Реляциями называли письменные донесения о ходе или результате военных действий, а также других важных событиях и происшествиях. Реляции (как донесения от подчиненного начальнику) активно использовались в армейской среде. Затем они появились и в посольском делопроизводстве. По мнению историка дипломатии В.Н. Александренко: «реляция суть донесения государю, а письма — сообщения канцлеру или вице-канцлеру». В современной научной литературе встречается уточненное определение критерия. Реляции — донесения непосредственно государю по наиболее важным политическим вопросам. В петровское время данный критерий — адресат — не являлся определяющим.

Главы дипломатических миссий адресовали основную корреспонденцию из европейских столиц в Москву и Санкт-Петербург руководителям внешнеполитическим ведомством. Однако дипломаты отправляли письма и донесения не только в Посольский приказ, но и на имя царя Петра Алексеевича. Их могли вручать государю минуя

руководство Посольского приказа (Посольской канцелярии). В 1716 г. (во время заграничного путешествия Петра I) руководство Посольской канцелярией разослоало русским дипломатам циркуляр с требованием впредь доносить о делах и событиях реляциями на имя государя, а не письмами канцлеру. В дипломатической переписке слово «реляция» встречалось и до 1716 г. Реляциями дипломаты называли сообщения (доклады) о значимом событии, которые следовало описать подробно. Адресатом реляции мог являться как царь, так и канцлер.

Распоряжение Посольской канцелярии 1716 г. было направлено на усиление регулярности и унификации текущего делопроизводства. Находившимся в Европе дипломатам начали отправлять не письма, а рескрипты (т.е. распоряжения от имени государя). Отвечали на рескрипты реляциями на имя государя. Как и письма, реляции были «публичные» и секретные (частично или полностью зашифрованные). В левом верхнем углу первого листа ставили номер. Реляции дипломатов, как правило, начинались с обращения «Всемилостивейший царь государь» и заканчивались фразой «вашего величества всеподданейший раб». Однако они попадали в руки не государя, а руководителей внешнеполитического ведомства. Содержание реляций существенно не отличалось от писем, адресованных главам Посольского приказа. После основного текста, например, с отчетом о переговорах, могла находиться личная информация.

A. I. Раздорский

Таможенные выписи в Российском государственном архиве древних актов
(предварительные итоги выявления)

Основными массовыми источниками по истории торговли, купечества и таможенного дела России XVII — середины XVIII в. являются таможенные книги. Однако эти документы сохранились крайне неравномерно. По многим городам они отсутствуют полностью (например, Калуга, Кострома). Полное или частичное отсутствие таможенных книг хотя бы отчасти могут компенсировать другие источники, среди которых особое место занимают таможенные выписи.

Эти документы являлись первичными документами таможенного оформления. В них приводились персональные данные о торговце (фамилия, имя, иногда отчество, местожительство, социальный статус), название зарегистрированного в таможне товара, его стоимость, количество или вес, пункты покупки и отправки, сведения об уплате таможенных пошлин.

В полной мере компенсировать отсутствие таможенных книг, в которых все совершившиеся в течение года таможенные операции фиксировались системным образом, таможенные выписи, разумеется, не могут. Но вместе с тем эти документы дают возможность хотя бы в самом фрагментарном и отрывочном виде составить представление о торговых связях тех или иных городов, об ассортименте товаров, продававшихся на региональных рынках и скупавшихся на них для отправки в другие места. Некоторые сведения, зафиксированные в таможенных выписях, имеют важное значение для изучения связей между различными региональными рынками и процесса их постепенного объединения в единый всероссийский рынок. Таможенные выписи могут служить важным источником по истории товарных цен. По данным о соотношении закупочных и продажных цен можно определить норму прибыли при реализации различных видов товаров.

Сведения о торговцах, приводимые в таможенных выписях, могут быть использованы для изучения персонального и социального состава столичного и провинциального купечества. Наконец, таможенные выписи содержат информацию по истории таможенного дела в различных регионах страны. В них, в частности, приведены имена начальствующих должностных лиц, стоявших во главе таможен — голов, бурмистров и ларечных целовальников. При отсутствии таможенных книг эти данные

приобретают нередко уникальный характер. Записи о взимании таможенных пошлин, содержащиеся в выписях, позволяют выявить некоторые региональные особенности таможенного обложения в различных частях государства.

Есть основания полагать, что в более или менее крупных таможнях выдавалось и получалось по несколько сотен выписей в год (в крупнейших, видимо, по несколько тысяч), в небольших таможнях счет таких документов шел на десятки. Подавляющее большинство таможенных выписей до нашего времени не дошло.

Наиболее значительным собранием таможенных выписей располагает в настоящее время Российский государственный архив древних актов (РГАДА). С целью выявления дел, включающих данные документы, автором были просмотрены описи 21 фонда указанного архива. В это число входят опись сборного фонда № 829, в составе которого находятся документы различных таможен (преимущественно европейской части страны), опись фонда № 273, где хранятся документальные материалы Камер-коллегии, ведавшей в XVIII в. внутренними таможенными сборами, и описи 18 фондов отдельных таможен. Учитывались также столбцы Сибирского приказа, содержащие таможенные выписи, которые зафиксированы в указателе Н. Н. Оглоблина (ныне внесены в опись № 3 фонда № 214).

Всего по описям РГАДА и указателю Н. Н. Оглоблина выявлено в общей сложности 988 дел, включающих выписи по 387 таможням и таможенным заставам. В 166 делах находятся выписи XVII в. (из них 135 дел хранятся в фонде Сибирского приказа), в 760 делах — выписи XVIII в., в 57 делах — выписи XVII и XVIII вв., в 5 — недатированные выписи. При этом выписи, относящиеся к первой половине XVII в., имеются только в двух делах (столбцах) Сибирского приказа. Последние по времени выявленные таможенные выписи датированы 1753–1754 гг.

Среди массива таможенных выписей, хранящихся в РГАДА, особо выделяется своей многочисленностью группа документов за 1740–1741 гг. Большинство этих выписей ранее входило в состав ныне расформированного фонда № 2600 («Таможенного сборного»), который был создан в результате расфондирования коллекции «Дел с известным титулом», образовавшейся, в свою очередь, в первой половине XVIII в. после изъятия правительством императрицы Елизаветы Петровны из канцелярий центральных и местных учреждений всех документов, в которых упоминался титул свергнутого с трона царя-младенца Ивана Антоновича.

В 293 делах, содержащих таможенные выписи, присутствуют документы только за 1740–1741 гг. (царствование Ивана Антоновича), еще в 137 делах имеются выписи за эти и другие годы.

Количество выписей в архивных делах весьма вариабельно и колеблется от одной до нескольких сотен. Из 988 дел, содержащих таможенные выписи, 859 относятся к отдельным таможням, причем в этих делах могут находиться как выписи, выданные данной таможней, так и выписи, присланные в нее из других таможен.

А. Б. Салахов

«Русская история 1450–1700 гг.» бывшего студента славяно-греко-латинской семинарии Софрония Тарасова (СПБИИ РАН. Колл. 238. Оп. 1. Д. 54) как источник для изучения духовного образования в России XVIII в.

Изучение латинского языка в России в XVII–XIX вв. тесно связано с процессом трансформации русской православной церкви, в том числе с оформлением духовенства как замкнутого сословия, становлением институционального духовного образования и его поэтапного реформированием, формированием отечественного богословия и т.д. Данная тема требует не только работы с немногочисленной, преимущественно дореволюционной, историографией, но и поиска источников и создание источников базы исследования, которая включает не только учебные пособия, учебные курсы, трактаты на разных языках,

но и нормативно-правовые акты XVIII-XIX вв. (духовный регламент, манифесты, уставы), каталоги библиотек частных лиц, духовных семинарий и академий, эго-документы (в том числе автобиографии бывших семинаристов) и проч.

Предпринята попытка введения в научный оборот одного из рукописных источников XVIII в., связанного с духовным образованием – «Русской истории 1450–1700 г.», автором которой был бывший «славено-латинской семинарии школы реторики студент» Софроний Тарасов и которая была закончена 17 июня 1758 года (Архив СПБИИ РАН. Колл. 238. Оп. 1. Д. 54). Анализ текста позволяет определить, какими латиноязычными источниками для написания масштабного исторического труда мог пользоваться человек, получивший семинарское образование, и как они соотносились с доступными ему в семинарской библиотеке в 1730–1750-е гг. Сделан вывод, что в числе источников текстов были тексты как наличествовавшие в каталогах библиотек духовных учебных заведений (Геродот, Тацит, Плутарх, Плиний), так и отсутствующие (Сигизмунд фон Герберштейн, Августин Мейер фон Мейерберг, Гербер Иоанн Густав и др.), большинство из которых еще не были опубликованы на русском языке.

Н. А. Агеева

«Дневник художника» из собрания Александра Александровича Сиверса:
проблема атрибуции

В фонде 121 (Фонд А.А. Сиверса) Архива СПБИИ РАН хранится рукопись, которая указана в описи как «дневник художника». Ее атрибуцию можно уточнить.

В фонде 121 представлены разнообразные документы: вырезки из газет по генеалогии и истории различных родов, материалы для составления родословий, списки придворных, документы о декабристах, статуты различных орденов и множество различных фотодокументов, отражающих как личные интересы коллекционера, так и особенности формирования этого фонда. В этом собрании находится и изучаемый дневник. Он представляет собой тетрадь в сорок листов в мягком переплете. Текст занимает примерно половину объема.

На нескольких страницах в самом начале рукописи имеются рисунки, выполненные карандашом. Записи в дневнике датированы, первая запись была сделана 13 августа 1839 года, окончен дневник 3 декабря 1840 года, то есть охватывает период менее полутора лет.

Во время путешествия автор дневника, согласно его записям, был в таких городах, как Рим, Неаполь, Помпеи, Палермо, Пиза, Флоренция, Болонья, Павия, Генуя, Женева, Париж, Лондон, Кельн. Записи в дневнике сделаны не в виде развернутых размышлений, а «телеграфной строкой», коротко, для себя. Редко, когда автор пишет много и образно о каком-либо событии, обычно только, если это событие произвело на него сильное впечатление. Сопоставив данные о событиях, отраженных в дневнике, людях, которые окружали автора, а также обратившись к иным рукописям этого времени из других хранилищ, удалось убедительно атрибутировать рукопись.

А. А. Ефимов

Проблемы строительства и оборудования электрической станции имения
«Ливадия» по архивным документам фонда Главного управления уделом

Министерство императорского двора (МИДв), созданное в 1826 г. императором Николаем I, с самого своего основания и вплоть до 1917 г. вело архитектурно-градостроительную деятельность как в столице Российской империи Санкт-Петербурге и его пригородах, так и в регионах. По интенсивности и объема строительства Крым занимает второе место после столицы империи, поскольку с середины XIX в. на его

территории по инициативе и под контролем Придворного ведомства было построено около десятка резиденций для членов дома Романовых.

Стоит отметить, что в целом в историографии непосредственно деятельность Министерства императорского двора в сфере организации, администрирования и финансирования строительства императорских и великолкняжеских резиденций на территории Крыма остается недостаточно изученной и имеет значительные белые пятна. Одним из них является проблема взаимодействия при реконструкции имения «Ливадия» 1910–1912 гг., наиболее масштабном из проектов Придворного ведомства в сфере строительства на территории Крыма, как заказчика и исполнителя, так и исполнителей между собой. В исследовании, подготовленном на основе делопроизводственных документов фонда Главного управления уделов, хранящегося в Российском государственном историческом архиве, внимание обращено к изучению хода создания электрической станции императорской резиденции, как одного из важных элементов ее модернизации.

На рубеже 1909–1910 гг. в Ливадии приступили к реализации масштабной реконструкции всей императорской резиденции, которая включала в себя, помимо возведения нового большого дворца, перестройки и постройки с нуля служебных корпусов, такие работы как обеспечение зданий, сооружений и в целом территории имения электричеством посредством создания электростанции и прокладки электрических сетей. При этом проектирование систем электроснабжения предполагалось поручить узким специалистам из профильных компаний по отдельным договорам.

Подрядчик для выполнения этой работы был выбран не через конкурс, а определен техником Царскосельского дворцового управления Л. Р. Шведе, занимавшемся в Придворном ведомстве вопросами обустройства электростанций. Получив подряд, фирма Чугунно-медно-сталелитейный и котельный завод «Людвиг Нобель» привлекла в качестве субподрядчиков еще две компании: для строительства здания электростанции Товарищество «Железо-Бетон», а для электротехнического оборудования заводом «Людвиг Нобель» было выбрано Акционерное общество Русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». Подобное разделение заказа при отсутствии налаженного взаимодействия основного подрядчика и предложенных им контрагентов доставило проблемы Придворному ведомству. Так, субподрядчики при возникновении каких-либо несостыковок обращались непосредственно к заказчику, вынуждая чиновников заниматься урегулированием этих вопросов. При этом основной подрядчик со своей стороны допускал задержки в выполнении своих обязательств, однако считал возможным использовать в качестве оправдания технические трудности субподрядчика и несогласованность своих действий с его работами. Наиболее ярко это проявилось в споре фирмы «Людвиг Нобель», Товарищества «Железо-Бетон» и Ливадско-Массандровского уделного управления по вопросу об установке оборудования электрической станции при незавершенности строительно-отделочных работ по зданию. По итогам разбирательства этого вопроса было установлено, что поставленное основным подрядчиком с задержками оборудование может быть установлено параллельно с отделкой здания. Однако и на этом трудности не закончились, поскольку установленное оборудование не смогло в полной мере выполнять положенных задач, и доводка электростанции продолжалась уже в процессе ее эксплуатации.

Ю. Б. Фомина

Коллекция автографов из русской части собрания Н. П. Лихачева:
формирование, состав, описание

В Русской секции Архива СПБИИ РАН хранится собрание Н. П. Лихачева, в котором наряду с другими материалами находится коллекция автографов XVIII – начала XX века. В шестнадцати картонах содержится около полутора тысяч документов с

собственноручными подписями исторических деятелей (членов императорской фамилии, политиков, ученых, писателей, художников и др.). Помимо атрибутированных автографов в коллекции имеются документы, авторство которых еще не определено.

Вошедшие в коллекцию автографы приобретались Н. П. Лихачевым в России и за рубежом на аукционах, у антикваров и частных лиц в виде отдельных документов и в составе целых собраний. Собиранию автографов он уделял особое внимание. К сожалению, до нас не дошли точные сведения – в каком порядке они хранились, предполагалось ли выделить их в отдельную коллекцию, какое место они заняли бы в музейной коллекции.

В начале 1930-х годов, когда собрание Н. П. Лихачева было передано в МКДП, а потом в ИКДП, часть автографов была выделена в самостоятельный подраздел. После включения материалов собрания Н. П. Лихачева в состав Архива ЛОИИ в 1936 г., начался их разбор, описание, выделение отдельных фондов и коллекций, в том числе это коснулось и коллекции автографов. К отобранным еще в ИКДП документам добавили материалы из бумаг разных помещиков собрания Н. П. Лихачева и «старых дел» Соляной конторы.

После Великой Отечественной войны была сделана выстроенная в алфавитном порядке карточная опись коллекции автографов, где кратко указаны персоналии, вид документа, дата и пр. К концу 1950-х годов коллекция существенно увеличилась и приобрела почти современный вид. В 1960–1990-х годах менялся порядок расположения автографов, несколько раз происходило перешифрование, в нее добавлялись единичные документы, вносились дополнения и уточнения.

Современная коллекция автографов была сформирована сотрудниками ЛОИИ на хранящихся в Архиве материалах русской части собрания Н. П. Лихачева, и отражала их видение и подходы к систематизации архивных коллекций.

Е. К. Пиотровская
Архивные материалы XX-XXI вв. из Бюро Н.П. Лихачева

В Бюро Н.П. Лихачева, которое с 1981 г. находится в комнате 25, и в которой работали первоначально сотрудники Отдела изучения и публикации исторических источников и Архива, а позднее с 2011 г. – Архива и группы источниковедения, хранились до 02 декабря 2025 г. материалы, связанные с Делопроизводственным архивом нашего Института.

Как известно, в конце 2024 г. Дирекцией Института было принято решение о реорганизации Отдела: разделение на Архив и Отдел источниковедения и о перемещении сотрудников в другие помещения Дома Лихачева. Бюро и его многочисленные ящики и полочки необходимо было освободить от бумаг и книг. Это был длительный процесс разбора отложившихся материалов – рукописных, печатных (машинописного и компьютерного набора), фотоматериалов, оттисков и др.

В общей сложности было подготовлено более 150 папок материалов, которые представляли разные виды документов, связанных с учетной, архивной, издательской, просветительской деятельностью Института. Наибольший объем составили материалы по истории подготовки и издания «Вспомогательных исторических дисциплин», материалы по истории ЛО Археографической комиссии РАН (период 1975–1990 гг.), отдельные материалы издательской деятельности Института (планы редактирования и выпуска изданий в издательстве «Наука»).

Предварительным характеристикам, наблюдениям и возможным историческим и источниковедческим проблемам изучения отложившихся материалов, которые могут быть использованы в контексте изучения истории нашего Института, истории науки советского времени, постсоветского периода и будет посвящено заявленное сообщение.

Тема: Трансфер и взаимовлияние технологий рукописных памятников России и Европы

H. C. Моисеенко

Надписи на древнерусских монетах и платёжных слитках

За последнее столетие отечественная эпиграфика пополнились целым рядом новых источников. Древнейшие русские монеты конца X – начала XI вв. (сребреники и златники) и значительная часть восточноевропейских платёжных слитков XI – первой половины XV вв. являются одними из важнейших источников по изучению письменности и палеографии. Хотя их открыли практически одновременно, в конце XVIII в., обе эти группы памятников изучались неравномерно. Лишь во второй половине 1950-х годов М.П. Сотниковой был проведён палеографический анализ граффити на 832 слитках из музеиных собраний и составлен свод, состоящий из 104 надписей и 113 букв и близких к ним знаков. В 1995 году М.П. Сотникова подготовила и опубликовала Корпус древнерусских монет, который охватывал все известные на тот момент 343 экземпляра (75 из которых не были разысканы). В Корпус вошло 5 страниц палеографических таблиц, включавших встречающиеся на монетах 25 из 43 букв развитой кириллицы, и были подробно рассмотрены их графические особенности. В последующие годы, за исключением одной статьи Е.А. Мельниковой (1996), в научной литературе граффити на слитках не уделялось должного внимания.

За 30 лет с момента последнего издания Корпуса количество зафиксированных автором настоящего исследования экземпляров сребреников и их обломков возросло на порядок и составляет около 3000...3500 монет князей Владимира Святославича (чеканки около 988 – 1015 гг.), Святополка Ярополича (чеканки 1015–1016 и 1018–1019 гг.) и Ярослава Мудрого (выпущенных около 1014–1015 и 1017–1018 гг.). Несмотря на то, что формуляр надписей на них довольно однообразен, сейчас для изучения доступно несколько десятков тысяч графем, датирующихся с точностью всего до нескольких лет и передающих, преимущественно, особенности южнорусского диалекта славянского языка конца X – начала XI вв. Перспективным представляется составление новых палеографических таблиц на основе древнерусских монет, тем более, что в последние годы резко возрос процент находок мелких фрагментов монет (что вызывает дополнительные трудности при определении), несущих на себе всего несколько символов.

Число найденных за последние полвека платёжных слитков, которые подразделяются на несколько основных типов, можно оценить более чем в 5 тысяч экземпляров (таким образом, их общее количество составляет около 7500). В целом, все нанесённые на слитки знаки и символы можно разделить на несколько групп: нарезки, буквы [одна-две] и буквообразные знаки [до четырёх], надписи [состоящие из трёх и более букв], рисунки, неидентифицируемые символы-граффито, литые знаки (стрелки, линии, отдельные буквы), а также клейма (которые могут иметь различную форму и размер, состоять из рисунков и/или надписей, и, по месту расположения надчеканки, являться торцевыми или "верхними" [обычными]). Всего на слитках удалось выявить около 250 надписей (преимущественно – имена или прозвища), более 350 отдельных букв и их сочетаний. Это может представлять интерес не только для ономастики и палеографии, но и для изучения древнерусского языка. Недавно стала известна уникальная надпись на слитке XII века, представляющая собой документ юридического характера.

Близость начерков букв на слитках и на берестяных грамотах даёт не только дополнительную возможность датировки слитков с граффити, но и верификацию, и взаимное уточнение такой датировки с использованием других данных (морфологии слитков, их химического состава, сопутствующего нумизматического материала). Одной

из целей дальнейшей работы будет являться составление палеографических таблиц на основе надписей на слитках.

Необходимо отметить наличие целого ряда сложностей, связанных как с изучением уже известных памятников нумизматики (в связи с возросшими требованиями к их палеографическому анализу), так и возникающих при попытках введения в научный оборот массива вновь найденных монет и слитков. Поскольку места находок слитков охватывают очень большую площадь, время их использования измеряется столетиями, а сами слитки представляют собой локальные материальные объекты, то к изучению граффити на них может быть привлечён математический аппарат. С его помощью можно моделировать и оценивать распространение графем и письменности на территории Восточной Европы, а также пытаться уточнить датировку и место создания депаспортизованных слитков.

M. A. Шибаев

Современные базы данных филиграней: взгляд пользователя

В настоящий момент базы данных по филиграмям являются основным и наиболее востребованным способом публикации водяных знаков. Сейчас в мире насчитывается несколько десятков как локальных, так и глобальных баз знаков по филиграмам (водяным знакам). Такие базы включают как оцифрованные альбомы филиграней, изначально представляющие собой в основном прориси, изготовленные вручную, так и изображения, сделанные уже в цифровую эпоху с применением в основном бетта-радиографии. В последние два десятилетия реализуется и общеевропейская база данных, в которой сделана попытка объединить как оцифрованные альбомы филиграней, так и цифровые базы данных и коллекции водяных знаков из разных центров «Bernstein – The Memory of Paper». На сегодняшний день она осуществляет поисковые запросы по 58 подключенными к ней базами данных со всего мира. Данная система, при всех своих плюсах обладает и серьезными минусами – трудность и непонятность поиска, не очень продуманный интерфейс работы с изображениями филиграней, что объективно связано с проблемой совмещения разных баз данных в один ресурс.

Наиболее удобным с точки зрения пользователя на наш взгляд является база данных «Piccard-Online», которая позже была расширена и включена в глобальную базу «Wasserzeichen-online». Представление филиграней там реализовано в виде древовидной структуры, где сначала есть большие группы, которые потом делятся на подгруппы и т.д. доходя в конечном счете до изображения самой филиграны. Данная система наиболее приемлема в случае большого количества филиграней. Конечно, недостатком является определенная субъективность помещения той или иной филиграны в группу, однако в большинстве случаев при таком поиске искомый водяной знак находился. Вторым важнейшим фактором для базы данных является возможность работать с изображением филиграны, снятыми объективными методами контроля – бетта-радиографией или ИК съемкой. Ручные прориси в большинстве своем не позволяют определить степень близости искомого знака в рукописи и в базе данных. Наконец, весьма важным является реализованная в некоторых базах данных система обработки филиграней, в том числе поворот, наложение сетки, контрастирование. Нам представляется, что на современном этапе инструменты нужно дополнить линейкой, позволяющей в режиме реального времени измерять на цифровом изображении расстояния между любыми точками.

A. E. Буйлова

Концепция базы данных по филиграмам СПБИИ РАН

Целью нашего исследования была разработка и создание базы данных по филиграмам, которые хранятся в архиве СПБИИ РАН.

В разработке мы опирались на уже существующие базы данных, например «Wasserzeichen-informationssystem». Из них были взяты основы построения дерева (структуры данных) и внешний вид иконок ветвей дерева. Свои иконки мы создавали на основе картинок альбома по филиграням, оттуда они были отсняты и обработаны в фотошопе, а также сконвертированы из формата TIF в формат SVG, для загрузки в базу данных.

Были предложены следующие родительские категории: люди, фауна, флора, мифологические существа, гербы/щиты, инструменты/ оружие, сосуды, небесные объекты/ геометрические фигуры, горы/ сооружения, одежда/ головные уборы/ украшение, личности/ цифры/ монограммы. Дальше от родительской категории идет множество разветвлений на дочерние.

Сама база данных была создана на базе сайта «История Письма», наши филиграны там находятся в дочерних документах, а также сделан сайт исключительно для филиграней. В первую очередь, заполняются поля на сайте История письма, такие как: название документа, шифр, дата (техническая, точная или период), место создания, хранения, учреждение хранения, также загружается фотография самой филиграны. Дальше мы продолжаем заполнять поля на сайте базы данных. Здесь создается дерево, вводится название сюжета филиграны и ее категория.

Пользователю сайта доступны поля: сюжет, номер филиграны на сайте, шифр, место создания, место хранения, название документа и фотография, которую можно изменить в размере и скачать. В дальнейшем планируется добавление функции изменения экспозиции, чтобы пользователь сайта смог сам регулировать яркость фотографии, также мы собираемся добавить линейку, для измерения размеров филиграны и расстояние между понтюзо. Пока в разработке находится поиск филиграны по ключевым словам.

Таким образом, была разработана и создана база данных филиграней СПБИИ РАН.

B. A. Гусева

Опыт съемки филиграней XV в. из Архива СПб ИИ РАН

Данное исследование направлено на изучение и фиксацию филиграней, а также на создание новой базы данных филиграней. Рассматривались филиграны из русских и западноевропейских рукописей XV века из собрания архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

Филиграны (водяные знаки) – это локальные изменения плотности бумаги, видимые на просвет. Съемка филиграней в видимом диапазоне затруднена из-за перекрывающего знак чернильного текста. Однако применение инфракрасной (ИК) съемки, особенно в ближнем ИК-диапазоне (700-1100 нм), является мощным методом для повышения контраста: чернила до XV века (особенно железо-галловые) становятся более прозрачными в ИК-диапазоне. Это помогает скрыть мешающий текст и делает филигрань более четкой.

Источником освещения служат лампы накаливания. Они излучают непрерывный спектр с максимумом в ближнем ИК-диапазоне в районе 1050 нм. Они обеспечивают мощный и равномерный поток в необходимом диапазоне 700-1200 нм. Для съемки филиграней использовалась астрономическая камера QHY163M. В ее основе лежит кремниевая CMOS-матрица. Она чувствительна как к видимому свету (400-700 нм), так и к ближнему инфракрасному излучению вплоть до 1100 нм, после этой отметки чувствительность матрицы падает. Для того чтобы отрезать видимое излучение для непосредственной работы в ИК диапазоне использовался инфракрасный фильтр ИКС-7. Он представляет собой длинопроходный фильтр, который полностью блокирует видимый свет. Он изготовлен из специального окрашенного стекла. Поглощает фотоны видимого диапазона за счет электронных переходов в ионах-хромофорах, внедренных в стекло. Фильтр отрезает все излучение до 900 нм, а его рабочий диапазон 900-1100нм.

Таким образом на горизонтальную прозрачную поверхность установки кладется исследуемый объект (рукопись), которую снизу просвечивает источник непрерывного излучения. Свет, проходя сквозь бумагу, попадает на фильтр, который отрезает весь видимый диапазон спектра, а на матрицу камеры попадает только инфракрасное излучение. В ИК диапазоне чернила XV века в основном становятся прозрачными, поэтому филигрань довольно четко видна.

Однако после съемки полученное изображение все равно нуждается в обработке. Для начала фотография обрезается, масштабируется в формат 1:1, добавляется контрастность и регулируется при необходимости яркость. Также для удобства дальнейшего использования изображения внутри базы данных на снимок накладывается линейка.

Таким образом были сняты и обработаны 12 филиграней из русских и 624 филиграви из западноевропейских рукописей.

B. A. Парфенов
Оцифровка памятников письменности с использованием лазерного
3D-сканирования

В настоящее время технология лазерного 3D-сканирования находит все более широкое применение в сохранении культурно-исторического наследия. Она позволяет производить высокоточные обмеры памятников и фиксировать их геометрическую форму. Это дает возможность создания цифровых архивов памятников, а также проведение мониторинга их состояния и создания высокоточных физических копий. В настоящее время 3D-сканирование широко используется для оцифровки исторических зданий, скульптур, археологических объектов, а также предметов декоративно-прикладного искусства и нумизматических коллекций. Однако имеются потенциальные возможности использования сканирования также для оцифровки и исследования книжных и рукописных памятников. Автор данного доклада имеет опыт оцифровки и создания копий эстампажей [1], а из научной литературы известны примеры применения 3D-сканирования для реконструкции поврежденных рукописных документов [2].

В докладе будет дан обзор научной литературы и собственных экспериментальных работ автора в данной области. Планируется обсуждение перспектив применения 3D-сканирования для работы с памятниками письменности.

1. В. А. Парфенов, А. А. Журавлев, А. А. Галушкин, С. Л. Ронгонен. Применение технологии 3D-сканирования для оцифровки и создания физических копий эстампированных памятников // Научные труды Санкт-Петербургской Академии художеств. № 58. 2021. С. 115-128.

2. K.Pal, N.Avery, P.Boston et. al. Digitally reconstructing the Great Parchment Book: 3D recovery of fire-damaged historical documents // Digital Scholarship in the Humanities (DHS). 32 (4). 2016. Doi: 10.1093/lhc/fqw057.

Л. М. Моazzами Лавасани
Применение гиперспектральной съемки для прочтения «угасших» рукописей
и других видов документов

Гиперспектральная визуализация представляет собой неразрушающий, бесконтактный метод анализа физико-химических свойств материалов. Он позволяет получать изображение исследуемого объект одновременно на многих длинах волн в полосе частот от УФ до ИК-диапазонов спектра. Благодаря высокому спектральному разрешению гиперспектральная съемка способна выявлять различия в отражательной способности материалов, невидимые человеческому глазу или при стандартной цифровой съемке, и выделять их с помощью компьютерной обработки.

Данный метод является перспективным для работы с рукописными памятниками, текст которых частично или полностью утрачен вследствие загрязнения, выцветания, длительного пребывания в агрессивной среде или естественной деградации материалов. Благодаря этому гиперспектральная съемка позволяет повышать читаемость угасших и повреждённых текстов, восстанавливать палимпсесты, анализировать структуру носителя (пергамент, бумага), включая выявление водяных знаков, а также обнаруживать скрытые детали — подрисовки, правки и пометки.

В конце 2025 года в ЛКИРП была предпринята попытка использовать гиперспектральную съемку для восстановления утраченных надписей записок из солдатских медальонов времен Великой Отечественной войны. Эти объекты представляют собой не только материальные свидетельства военной истории, они могут помочь в установлении личности погибших военнослужащих. К сожалению, сохранившиеся надписи визуально едва различимы. Тем не менее было решено сделать попытаться восстановить исчезнувший текст. На начальном этапе работы была отработана методика подготовки, съёмки и обработки полученной информации. Гиперспектральная съёмка проводилась в видимом и ближнем инфракрасном диапазоне (в полосе длин волн 400–1000 нм) с последующей многомерной обработкой данных при помощи специализированного программного обеспечения. К моменту подготовки тезисов доклада эта работа еще не закончена, и она будет продолжена в 2026 году. Однако, уже проведенные исследования показали возможность, по крайней мере, частичного восстановления утраченных надписей. Это позволяет сделать вывод о перспективности применения гиперспектральной съемки для прочтения записок из солдатских медальонов.

E. M. Шепилова

Предреставрационные исследования

Предреставрационные исследования являются обязательным и очень важным этапом в процессе обеспечения сохранности памятников материальной культуры, в нашем случае документов.

Прежде всего выполняется визуальный осмотр документов, по результатам которого намечается план реставрационных мероприятий, определяются последующие исследования. Так в ходе визуального осмотра документов выявляется степень необходимости исследований методом микроскопии, спектроскопии, рентгенофлуоресцентного анализа и ИК-Фурье спектроскопии.

Микроскопия в прямых и косо падающих лучах позволяет определить структуру и фактуру бумаги, вид волокна, наличие маркировки сетки, лицевую и сеточную стороны бумаги, фактуру чернильного штриха.

Большое значение имеет определение кислотности бумаги. Самым простым способом является определение pH водной вытяжки бумаги. На документах определение pH проводится с поверхности бумаги с помощью плоского контактного электрода. Повышенная кислотность бумаги может являться как результатом автокатализического процесса старения, где катализатором выступают продукты окисления волокна бумаги, так и проклейки бумаги. При значениях pH ниже 5,5 необходимо проводить нейтрализацию кислотности.

Не менее важным исследованием является определение состава бумаги по волокну. Метод основан на качественной цветной реакции с использованием микроскопии. Большое значение состав бумаги документов по волокну имеет при выборе способа проведения ряда реставрационных процессов, таких как отбелка или нейтрализация кислотности, а также вида реставрационной бумаги для восполнения утрат и укрепления основы методом дублирования.

Дополнительно проводится тест на наличие лигнина. В тех случаях, если на документе имеются наклейки или следы от них проводится определение вида клея. Это необходимо для выбора реставрационной методики снятия наклеек и следов клея.

Белизну и цветность бумаги определяют методом спектроскопии в тех случаях, когда, по итогам визуального осмотра, бумага документов имеет высокую желтизну, особенно, если документы выполнены на цветной бумаге.

Рентгенофлуоресцентный анализ и ИК-Фурье спектроскопия применяется обычно в тех случаях, когда есть необходимость и возможность исследовать материал и структуру носителя информации: чернил, печатной краски, пигментов иллюминированных участков т.д.

Перед началом реставрации обязательно выполняется тест на влагостойкость носителя информации, а также фиксация габаритов документов: длины, ширины, толщины.

Фотофиксация документов выполняется до предреставрационных исследований, а также после реставрации и при необходимости в процессе.

Результаты всех исследований заносятся в реставрационный паспорт.

Т. К. Лепехина

Исследование рукописных памятников методом ИК-Фурье спектроскопии

Целью исследования стало выявление диагностического потенциала инфракрасной (ИК) Фурье спектроскопии для идентификации оригинальных материалов рукописных памятников, а также следов реставрационных и консервационных вмешательств. Объектами исследования стали книга Н. И. Глазкова «РУБИЯТ», датируемая 1939–1944 гг., и старинная рукописная карта границ Русского государства и Китая XVII в. С. У. Ремезова из фондов Русского географического общества.

Книга Н. И. Глазкова «РУБИЯТ» представляет собой машинописный текст, дополненный авторскими рукописными рисунками, нанесенными с использованием красных чернил и цветных карандашей. Спектральный анализ показал, что синяя обложка окрашена медью фталоцианина – пигментом, массовое производство которого в СССР началось в 1941 г., а все пигменты цветных рисунков согласуются с советской рецептурой военного времени. Жировые следы на титульной странице книги, вероятно, не являются загрязнением, а отражают технологию изготовления, основанную на применении связующих и kleев на жировой основе. Кроме того, значимым результатом стало выявление следов возможных реставрационных вмешательств, таких как нейтрализация кислотности (дезацидификация гидроксидом магния), а также биозащита изотиазолиноновыми и клотримазолоподобными биоцидами.

Также в рамках совместной работы с Русским географическим обществом исследована старинная рукописная карта Сибири, датируемая XVII в. Ключевым стал анализ фрагмента современной ткани, на которую карта была наклеена в процессе консервации. ИК-спектр поглощения волокна ткани указывает на наличие соединений, которые можно интерпретировать как остатки клея (магний- и хлорсодержащие соединения), либо как возможные следы химикатов, использованных при консервации. Данные энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии (ЭДС) подтверждают присутствие этих элементов, что согласуется с практикой реставрации XX–XXI вв.

Таким образом, ИК-Фурье спектроскопия демонстрирует высокую эффективность как инструмент историко-технологической реконструкции «жизненного пути» документов – от первичного изготовления до современного состояния. Метод не только позволяет уточнить состав и технологию изготовления объектов, но и выявлять следы реставрационных вмешательств, что создаёт основу для научно обоснованного подхода к консервации и культурно-исторической интерпретации рукописных памятников.

Ю. П. Баскакова

Выявления тестов на различных материалах

В мире современных естественно-научных исследований появилось множество различных технологий и методик. Стал вопрос о необходимости понимания, когда и какими приборами лучше воспользоваться и почему, какие методы будут более продуктивными и доступными для получения результата.

При выявлении теста на бумажной основе, если тест слабо виден, можно воспользоваться примитивными методами, по типу фотофиксации документа с дальнейшей проработкой получившегося кадра в различных программах по обработке изображений и изменениями параметров изображения таких как увеличение или уменьшение контрастности, света, тени, резкости и очистке от шумов и т.д. Чем профессиональней человек обрабатывающий фотографию, тем менее видный изначально тест может быть извлечен. Но иногда теста уже не видно совсем и в таких случаях применяется наиболее распространенный метод выявление теста в УФ, основанном на поглощении чернилами УФ света и флуоресценции бумаги, таким образом выделяя текст. Когда нет чернил на поверхности бумаги не действует УФ излучение. Но они могли остаться в толще бумаги, тогда применяется съемка гиперспектральной камерой и выявляется скрытый тест. Но бывает нужно выявить тесты на других носителях, например на дереве или металле.

Наиболее простым методом выявление текста на металле является съемка фотоаппаратом с использованием одного осветителя, с изменением угла освещения и стороны освещения, и совмещению фотографий в единое изображение. И обработке его в различных программах, для получения четкого рисунка. Так же когда металлическая основа и тест или рисунок созданы из разных металлов, можно использовать УФ, т.к. различные металлы по-разному реагируют на него. Чистые металлы чаще всего поглощают УФ свет, а металлы с примесями могут флуоресцировать. И на разнице оттенков выявить стергтый тест. Так же возможно рентгеновское сканирование и по отпечатку видны не только разломы, но все изменения плотности и толщины металла, где и можно проявить тест.

Для выявления теста на древесной основе изначально лучше применить съемку при искусственном свете с последующей обработкой изображения в разных программах. Но если этого недостаточно возможно применение съемки в УФ свете. Дерево со временем темнеет, синеет или сереет из-за естественных процессов старения таких как разрушение лигнина и окисления древесных волокон, а также под действиями внешних факторов: грибок, плесень, гниение и черные или коричневые чернила, становятся не различимы с древесной основой. В УФ свете чернила должны проявиться на древесном фоне. Для этого должно совпасть много факторов, это чернила которое будут поглощать свет и смолы, лигнин или само древесное волокно, которое будет флуоресцировать или наоборот.

Тема: Блокада Ленинграда 1941-1944 гг.: власть и общество

К. А. Болдовский

Блокадные руководители в обвинительных материалах «ленинградского дела»

В ходе репрессивной кампании 1949-1950 гг., известной под названием «ленинградского дела», было снято со своих постов, арестовано и осуждено большинство руководителей Ленинграда блокадного времени. Люди, занимавшие высшие посты в блокадном руководстве, были расстреляны после судебного процесса, прошедшего в конце сентября 1950 г.

Источники, доступные в настоящее время, позволяют сделать выводы о том, какие обвинения были предъявлены подсудимым. Кроме обвинительного заключения, приговора и показаний, данных в ходе следствия, информация об этих обвинениях, хотя и в искаженном виде, приводится в стенограммах различных закрытых партийных конференций и совещаний, на которых новые руководители города старались объяснить партактиву суть вины своих предшественников.

Значительная часть обвинений относится к действиям подсудимых в блокадный период. В докладе анализируются относящиеся к блокаде обвинения, лейтмотивом которых было следующее утверждение: «они обманывали ленинградцев и преступно скрывали от них руководящую роль ЦК ВКП(б) в деле обороны Ленинграда в период Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Они извращали факты истории, затушевывали огромные усилия всей страны, под руководством ЦК ВКП(б) и правительства, направленные к защите Ленинграда в период войны, и выпячивали себя в роли его спасителей». Кроме этого, в докладе рассматриваются и более частные обвинения, в том числе и в имущественных правонарушениях.

Как показывает исследование обвинений и реакции на них большинства участников обороны и блокады из числа партактивистов низшего звена, они, во-первых, не имели реальных оснований, во-вторых, не производили убедительного впечатления на слушателей, которые были свидетелями происходивших событий.

В этом смысле обвинения, да и «ленинградское дело» в целом, выглядят как политическое поражение его инициаторов. Высшей точкой любой репрессивной кампании сталинского периода должен был стать показательный процесс, целью таких кампаний являлось не только физическое устранение неугодных, но и публичное установление новых границ допустимого, новых правил и запретов в повседневной деятельности для оставшихся. Такой целью в «ленинградском деле» должна стать своеобразная кодификация новых правил игры для партийно-государственных руководителей среднего и высшего уровней. С точки зрения И. В. Сталина, это было необходимо для поддержания жесткого режима власти после военных лет, когда пришло признать некоторое, хоть и небольшое, усиление самостоятельности и инициативности низовых структур управления и их руководителей.

«Ленинградское дело» завершилось неоднозначно, и невнятность его обвинений, расплывчатость запретов и отсутствие новых правил, вероятнее всего, и объясняют то, почему его результаты не получили огласку в официальной пропаганде.

Т. Д. Медведев

Территориальные органы НКВД Ленинграда и области в 1943-1945 годах: организационная трансформация и взаимодействие с истребительными батальонами

В результате исследований, проведенных в 2025 году, завершена работа над тематикой, связанной непосредственно с истребительными батальонами НКВД. Была опубликована монография, две статьи, сделаны доклады на нескольких международных научных конференциях. В ходе работы с источниковой базой выявлен обширный массив документов, касающихся взаимодействия управления НКВД Ленинградской области с истребительными частями.

Несмотря на то, что истребительные батальоны в качестве отдельных институций достаточно неплохо изучены в современной историографии, их взаимодействие с региональными органами госбезопасности, которым они формально подчинялись, не становилось предметом отдельного исследования. Также в рамках отдельного исследования не проводился анализ совместной работы указанных подразделений с частями оперативных войск НКВД и РККА в течении всей войны. Вместе с тем, подобное исследование не только дополнит имеющуюся в настоящий момент тематическую историографию, но и станет очередным этапом в исследовании актуальной темы меж

структурного взаимодействия различных государственных органов Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Фокус на способы взаимодействия, вертикальные и горизонтальные связи между истребительными батальонами и другими силовыми и гражданскими ведомствами позволит выявить основные закономерности и этапы трансформации органов госбезопасности и партийно-государственных структур на низовом уровне.

Выявленные в Государственном Архиве Российской Федерации (фонд 9478, Главное Управление по борьбе с бандитизмом НКВД СССР) и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (фонд 7179, Ленинградский областной совет народных депутатов) документы позволяют обратиться к конкретным примерам организационной перестройки и видоизменению их структуры, а также расширить исследовательскую рамку, сделав больший фокус именно на работе региональных управлений НКВД. Изучение деятельности последних именно через взаимодействие с истребительными подразделениями даст возможность посмотреть на институциональную историю органов госбезопасности с использованием ранее практически не задействованной локальной оптики. Одновременно будет предпринята попытка более детально изучить тему, связанную с борьбой с нарушителями законодательства военного времени на территории отдельных регионов СССР. В отличии от исследований прошлых лет, институциональная и социальная история истребительных частей специальному изучению подвергаться не будет — основной акцент предполагается сделать именно на межструктурном взаимодействии с особым вниманием к деятельности органов госбезопасности. Активно разрабатываемая в последние десятилетия тема функционирования советских органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны будет исследована через призму подразделений, формально входивших в их структуру, а фактически являющихся не вполне институализированными «добровольческими» формированиями.

Особенности источниковой базы, связанные с большим комплексом документов, датированных 1943-1945 годами, задают хронологические и территориальные рамки исследования⁸. В первую очередь, оно будет сфокусировано на деятельности Управления НКВД Ленинграда и области и его взаимодействию с истребительными батальонами после прорыва блокады города, а также ее полного снятия. Этот период не только характеризуется ростом количества истребительных батальонов и их численности, но и воссозданием на освобожденных территориях структурных подразделений органов госбезопасности. Именно особенностям по сути формирующейся заново и сразу включающейся в выполнение задач по контролю над освобождёнными районами системе органов НКВД, а также месте в ней истребительных батальонов и будет посвящено исследование.

Д. Е. Муравьев

Деятельность учреждений кинопроизводства и кинопроката
в блокадном Ленинграде

Изучение деятельности учреждений и организаций культуры в годы Великой Отечественной войны позволяет оценить их роль в период блокады. Кинотеатры оставались популярным местом проведения досуга ленинградцев в военных условиях. Кроме того, кинопропаганда являлась одним из важнейших средств мобилизации на борьбу с врагом.

Доступные в настоящее время источники позволяют детально изучить работу киносети города в годы блокады. Накануне войны в Ленинграде действовало три киностудии, контора «Главкинопрокат» и 46 государственных кинотеатров. С июня 1941

⁸ ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 17, 22, 59, 70, 276; Ф. 9401. Оп. 2. Д. 95-101.; ЦГА. СПб. Ф. Р-7179. Оп. 53-1. Д. 74, 89, 191, 214.

г. на киностудиях города стали проходить съемки не только полнометражных картин, но и так называемых «короткометражек» на военную тематику. После эвакуации студии художественных фильмов «Ленфильм» в Ленинграде производились только документальные, учебные фильмы и киножурналы. Чрезвычайные условия блокады привели к заметным изменениям в системе кинопроизводства. Весной 1942 г. на базе «Ленкинохроники» и «Лентехфильма» была создана Ленинградская объединённая киностудия научно-технических и хроникально-документальных фильмов, способствовавшая продолжению съемок в блокадном Ленинграде. Одним из самых известных фильмов была кинокартина «Ленинград в борьбе» 1942 г.

В докладе анализируется роль Ленинградской областной конторы по прокату кинофильмов «Главкинопрокат» в обеспечении фильмами киносети города. После начала войны контора стала источником снабжения также киноустановок армейских частей и госпиталей. Пополнение новыми картинами проходило за счет полученных копий с Ленинградской копировальной фабрики либо доставкой фильмов на самолетах из Москвы.

Сеть кинотеатров города значительно сократилась в годы блокады. Наиболее тяжелым периодом в их деятельности стала зима 1941–1942 гг. После прорыва блокады обслуживание населения фильмами значительно улучшилось: устанавливались новые цены на сеансы, кинотеатры стали делиться по разрядам и на группы (по уровню комфорта). О востребованности кино в блокадном Ленинграде свидетельствуют данные о количестве показов фильмов и посетителей кинотеатров: только в 1942 г. было проведено 16 764 сеанса, которые посетили 5,5 млн. зрителей.

Анализ показывает, что производство фильмов в Ленинграде являлось важным средством пропаганды. Руководство города предпринимало меры для скорейшего возобновления работы киностудий и учреждений кинопроката города. Вместе с тем, изучение деятельности кинотеатров свидетельствует о востребованности и значимости досуга в блокадном Ленинграде.

В. Л. Пянкевич

Свет и темнота в блокадном Ленинграде

Свет на улицах и в домах довоенного Ленинграда был знаком нормальности, гармонии мирной жизни. Но во время войны и блокады на улицах города не было привычного наружного освещения. С осени 1941 г. темно стало и в домах города. Во время постоянных авиационных бомбардировок и артиллерийских обстрелов свет был знаком смертельной угрозы. В докладе анализируются меры, которые помогали спасаться, передвигаться по городу, не терять ориентировку, избегать столкновений в непроницаемой темноте, стратегии и практики решения проблемы освещения рабочих и жилых пространств в условиях отсутствия электрического света и стекол в окнах. Описывается процесс и особенности возвращения электрического света в дома и на улицы Ленинграда. Рассматриваются сенсорные ощущения, опыт длительного пребывания жителей осажденного города в условиях темноты, восприятие и отображение света и тьмы в письменных и визуальных источниках.

А. И. Рупасов

Работа Управления скорой помощи и Научно-исследовательского института скорой помощи в годы блокады

Работа скорой помощи Ленинграда в годы блокады остается малоисследованной. Содержание вышедшей в 2018 г. коллективной монографии «Скорая медицинская помощь в блокадном Ленинграде» в основном касается сюжетов организации медицинской помощи в целом, в том числе на фронте, на Ледовой трассе, но в плане раскрытия темы

собственно скорой помощи малоинформативна. Что касается сборника статей «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи имени И.И. Джанелидзе: 90 лет на службе Отечеству» (СПб. 2022), то тема деятельности Института в годы блокады в нем оказалась нераскрытой. Во многом, но лишь частично, это объясняется довольно скромным числом документов, отложившихся в архивах.

Институт скорой помощи с февраля 1943 г. перешел исключительно на обслуживание операционных коек, в силу чего все отчеты о его деятельности получили гриф «строго секретно». Этим объясняется отсутствие данных о количестве находившихся на излечении. Институт испытывал острый дефицит кадров как врачей, младшего медицинского персонала и санитаров, так и в группе административно-управленческого аппарата. Институт испытывал дефицит и в рабочей силе, именно по этой причине он не мог исполнять смету на ремонтные работы лечебного и вспомогательных корпусов. Проблемой было пополнение запасов медицинских препаратов, в лучшем случае он составлял не более двухмесячной потребности, запасов топлива.

В введении Управления скорой помощи в период блокады находились Центральная станция и 7 районных станций (одна станция была уничтожена в начале блокады в результате артобстрела), Бюро госпитализации, Справочное бюро, Служба связи и здравпункты на трассе «Выборг», «Ладожское озеро», стационар Важино и санитарно-курортная комиссия. По большинству статей исполнения сметы (мединаменты, работная плата, топливо и пр.) по разным причинам фиксировался «недорасход», напротив, стирка белья, дезинфекция помещений, выписка газет и журналов оказывались статьями перерасхода. Если перерасход объяснялся повышением расценок обслуживающих организаций (так, дезинфекция помещений осуществлялась за плату дезинфекционными пунктами), то увеличение расходов на стирку белья было обусловлено увеличением числа пациентов. Затруднения в работе скорой помощи вызывали неоднократные предписания о безвозмездной передаче лечебным учреждениям города принадлежащего скорой помощи инвентаря. Данные о количестве вызовов бригад скорой помощи могут быть восстановлены только частично на основании нескольких сохранившихся дежурных журналов вызовов.

А. Ю. Стефаненко
«Оргнабор» рабочей силы в условиях блокады Ленинграда (1941–1943 гг.)

Одним из парадоксов советской экономики было официальное провозглашенное отсутствие безработицы. Подобное пропагандистское утверждение не только противоречило истинному положению дел, но и мешало адекватно объяснить существовавшие в стране принципы учета, подготовки, распределения и контроля над рабочей силой. Исследователи были вынуждены постоянно подчеркивать три источника пополнения трудовых кадров: естественный прирост населения, перераспределение кадров внутри и между учреждениями и предприятиями, а также привлечение сельского населения в города. В условиях блокады Ленинграда в течение 1941–1943 гг. большинство традиционно использовавшихся методов привлечения рабочей силы претерпели существенные изменения, обусловленные невозможностью стабильного ввоза трудоспособного населения, а также резким сокращением числа квалифицированных специалистов в связи с мобилизациями, эвакуацией и смертностью. Как следствие одним из важнейших направлений стал поиск источников рабочей силы. В докладе предполагается рассмотреть особенности найма и перераспределения трудоспособного населения в блокадном Ленинграде, а также определить эффективность применявшимся методов рекрутования рабочей силы.

Т. Ю. Толстиков

А.А. Фадеев в блокадном Ленинграде: писатель и власть

Художественная литература сыграла особую роль в формировании образа блокадного Ленинграда в культурной памяти. При этом, опубликованные в годы войны художественные произведения о блокаде были созданы под влиянием местного партийного руководства и соответствовали тем образам, которые были выгодны представителям власти. Визиты секретаря Союза писателей СССР, члена ЦК ВКП(б) А. А. Фадеева в осажденный город в 1942–1943 гг. и издание его очерков «Ленинград в дни блокады» представляются возможным исключением. Писатель почти всю жизнь находился в двойственном положении – он был не только художником слова, но и крупнейшим литературным функционером или «писательским министром», как называли его современники. Благодаря такому положению, у Фадеева были исключительные возможности для реализации творческих идей, а его визиты в осажденный Ленинград имели особое значение для развития городской культуры.

Анализ очерков А.А. Фадеева «Ленинград в дни блокады» и архивных материалов из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) позволяет рассмотреть ряд проблем, ранее не освещенных в историографии. Среди них стоит назвать особенности организации визитов Фадеева в Ленинград, его взаимоотношения с местными литераторами и партийными руководителями, влияние автора на развитие образа осажденного города в художественной литературе, история создания его очерков и другие.

В докладе будут рассмотрены участие Фадеева в общегородском совещании писателей 30 мая 1942 г., его выступления на радио, командировки в части Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота, встречи с А.А. Ждановым, А.А. Кузнецовым, А.И. Махановым, оказание помощи ленинградским писателям (Н.С. Тихонову, В.В. Вишневскому, В.М. Инбер, О.Ф. Берггольц, В.К. Кетлинской и др.). Особое внимание будет уделено очеркам Фадеева об осажденном городе, которые стали одним из наиболее реалистичных и трагических произведений о блокадном Ленинграде, опубликованных за время войны.

А. Н. Чистиков

Ленинградский трамвай в годы блокады и послеблокадное время

Накануне Великой Отечественной войны трамвай в Ленинграде занимал первое место среди всех видов городского общественного транспорта. Относительно широкая и развитая маршрутная сеть, дополняемая удачным расположением почти десятка трамвайных парков, делали трамвай сравнительно удобным способом передвижения для местных жителей и гостей в пределах города. Важную роль в транспортных перевозках в Ленинграде играл грузовой трамвай, обладавший отдельным парком.

Военные действия лета 1941 г. и последовавшая затем блокада Ленинграда до января 1944 г. резко изменили положение трамвая, выдвинули новые задачи, не характерные для мирного времени. Сокращение трамвайного движения, вызванное целым комплексом причин, закончилось зимой 1941 г. остановкой сначала пассажирского, а в начале января 1942 г. и грузового движения.

Критическая санитарная обстановка, сложившаяся в Ленинграде к началу весны 1942 г., потребовала возрождения прежде всего грузового трамвайного движения. Открытие пассажирского движения в городе 15 апреля того же года в условиях существенного сокращения населения города и небольшого количества восстановленных маршрутов носило поначалу не столько практический, сколько психологический характер.

Несмотря на постоянное увеличение числа пассажирских маршрутов в 1942-1943 гг. в Ленинграде большим вниманием пользовался грузовой трамвай, задействованный на очистке города от снега, мусора и нечистот, на перевозке дров и продовольствия, доставке почты, разнообразных грузов для действующих предприятий.

Специфический характер деятельности ленинградского трамвая в 1941 – начале 1944 гг. определялся положением Ленинграда как города-фронта.

Полное освобождение города от блокады в начале 1944 г. вновь изменило работу ленинградского трамвая. Прекращение обстрелов и бомбардировок способствовало более регулярному движению. Реэвакуация населения поставила на повестку дня проблему скорейшего восстановления довоенной маршрутной сети. Однако внутренняя миграция горожан в период блокады, постепенное и избирательное возвращение части предприятий, учреждений и организаций вносили изменения в традиционные направления трамвайных маршрутов.

Анализ заседаний Ленгорисполкома за 1944 год показывает, что отныне в первую очередь обращалось внимание на работу пассажирского трамвая, к тому же неизменно перевыполнявшего план и приносившего доход в городскую казну. В рамках выполнения программы восстановления городского хозяйства местная власть требовала от трамвайщиков не только достижения плановых показателей, но и приведения в порядок внешнего и внутреннего вида вагонов, трамвайных (и троллейбусных) остановок, ремонта электрочасов, борьбы с трамвайными «висельниками» и т.п. Внешне эти требования выглядели элементами мирной жизни, однако война напоминала о себе, в частности, дефицитом материалов и квалифицированных кадров. Всё же можно утверждать, что в 1944 – начале 1945 гг. деятельность ленинградского трамвая характеризовалась постепенным возвращением к мирной жизни в условиях продолжающейся войны.

B. E. Бередникова
Организация похоронного дела в блокадном Ленинграде

Вопрос организации похоронного дела в блокадном Ленинграде не получил достаточного освещения в работах отечественных и зарубежных исследователей. Зима 1941-1942 гг. стала временем серьезных испытаний для ленинградского руководства и жителей города, которых окружала смерть.

На сегодняшний день в распоряжении исследователей есть небольшое количество источников, позволяющих детально рассмотреть данную проблему. Основным свидетельством являются эго-документы очевидцев этих событий. Однако существует определенный пласт источников, отражающий деятельность руководства блокадного города, органов санитарно-эпидемиологического надзора и милиции по решению этого вопроса.

Первая часть доклада будет посвящена рассмотрению данного корпуса источников и их характеристике, дана оценка их потенциальному для дальнейших исследований.

Во второй части доклада будут рассмотрены основные этапы организации похоронного дела, проанализированы проблемы, связанные с захоронением умерших, с которыми столкнулось руководство блокадного города, пути их решения.